МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕНИ К.Д. УШИНСКОГО (MIPO.ONLINE)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

2026

№ 3

(ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ)

Учредитель: Грудцына И.В.
Издатель: Московский институт профессионального образования имени К.Д. Ушинского
Журнал является сетевым изданием и выходит с 2025 г. один раз в три месяца
Официальный сайт журнала: https://const-law.online
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90669 от 29 января 2026 г.)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам конституционного (государственного) права, конституционного строя, конституционных прав и свобод человека и гражданина, избирательного права, парламентского права, конституционным основам местного самоуправления. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями в сфере конституционного права России и зарубежных государств, практическим юридическим опытом и результатами научно-правовых исследований в области публично-правовых отношений и конституционного права.

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Сангаджиев Бадма Владимирович

Редактор: Тарыгина Дарья Александровна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.
Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: https://const-law.online **E-mail:** editor@mipo.online
WhatsApp: +7-977-672-55-22

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Конституционное право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© МИПО им. К.Д. Ушинского, 2026.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Усанов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор,
академик Российской академии образования,
профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.2. — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

• *Грудцына Людмила Юрьевна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).

• *Дорская Александра Андреевна,* доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

• *Миронов Василий Олегович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

• *Пашенцев Дмитрий Алексеевич,* доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. И.о. заведующего отделом теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета.

• *Садовникова Галина Дмитриевна,* доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

• *Усанов Владимир Евгеньевич,* доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Usanov Vladimir Evgenievich, Doctor of Law, Professor,
Academician of the Russian Academy of Education,
Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the
Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.2. — Public legal (state legal) sciences

• *Grudtsyna Lyudmila Yuryevna,* Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

• *Dorskaya Alexandra Andreevna,* Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

• *Mironov Vasily Olegovich,* Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

• *Pashentsev Dmitry Alekseevich,* Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. And about. Head of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University.

• *Sadovnikova Galina Dmitrievna,* Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, FSAEI HE "Moscow State Law University named after O.E. Kutafin" (MSLA).

• *Usanov Vladimir Evgenievich,* Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

• *А.П. Галоганов,* доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• *В.Н. Жуков,* доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• *В.В. Комарова,* доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• *И.А. Конюхова,* доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

• *А.В. Рагулин,* доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• *Б.С. Эбзеев,* доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член ЦИК России.

• *Н.Д. Эриашвили,* доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman:

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Constitutional and International Law of the
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

• *A.P. Haloganov,* Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• *V.N. Zhukov,* Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• *V.V. Komarova,* Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• *I.A. Konyukhova,* Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice.

• *A.V. Ragulin,* Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• *B.S. Ebzeev,* Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

• *N.D. Eriashvili,* Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ

Шайгарова Э. А. * Правовые механизмы профилактики коррупции в системе государственного управления Российской Федерации: проблемы и перспективы реализации 9

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Коробов И. А. * Конституционные гарантии защиты информации в Словакии 14

Гавчук Д. В., Пирогов П. П., Миронова А. Н., Бочаров М.В., Иванов Н. А. * Конституционные гарантии права на образование в условиях цифровой трансформации 18

ИСТОРИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Грудцына Л. Ю. * Протоконституционные акты Российской Империи: критерии идентификации и методология историко-правового исследования 25

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Андреева К. М. * Использование открытых источников информации в оперативно-розыскной деятельности 35

Ковалёв С. В. * Криптовалюта как предмет коррупционных преступлений: проблемы уголовно-правовой квалификации и пути совершенствования законодательства 40

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО

Аджакова Н. А. * Предварительные обеспечительные меры в арбитражном судопроизводстве 46

Ильина Я. В. * Некоторые проблемы правового регулирования порядка восстановления утраченного производства в гражданском судопроизводстве 50

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Старченко Е. А. * Влияние цифровизации на способы обеспечения исполнения обязательств 53

Барков К. Б. * Владелец франшизы как контролирующее должника лицо: грань между защитой репутации сети и основанием для банкротной субсидиарной ответственности 58

Воронина Е. В. * Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: уголовно-правовой и криминологический аспекты 63

CONTENTS:

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS

Shaygarova E. A. * Legal mechanisms for the prevention of corruption in the public administration system of the Russian Federation: problems and perspectives of implementation 9

CONSTITUTIONAL LAW

Korobov I. A. * Constitutional guarantees of information protection in Slovakia 14

Gavchuk D. V., Pirogov P. P., Mironova A. N., Bocharov M. V., Ivanov N. A. * Constitutional guarantees of the right to education under digital transformation 18

HISTORY OF CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT

Grudtsyna L. Yu. * Protoconstitutional acts of the Russian Empire: identification criteria and methodology of historical and legal research 25

PUBLIC LAW

Andreeva K. M. * The use of open-source information in operational-search activities 35

Kovalev S. V. * Cryptocurrency as a subject of corruption crimes: problems of criminal law qualification and ways to improve legislation 40

JUDICIAL SYSTEM AND COURT ORGANIZATION

Adzhakova N. A. * Preliminary interim measures in arbitration proceedings 46

Ilyina Ya. V. * Some problems related to the legal regulation of the procedure for restoring lost proceedings in civil litigation 50

ISSUES IN RUSSIAN LEGISLATION

Starchenko E. A. * The impact of digitalization on ways of ensuring the performance of obligations 53

Barkov K. B. * The franchisee as a person controlling the debtor: the line between protecting the network's reputation and grounds for subsidiary liability in bankruptcy 58

Voronina E. V. * Illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues: criminal law and criminological aspects 63

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2026 г. DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-9-13
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.

ШАЙГАРОВА Эмма Альбертовна,
магистрант, ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, Республика Татарстан, Казань, Кремлевская, 18,
e-mail: shaigarova@mail.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. На протяжении долгого времени коррупция как социально-правовое явление остается одной из основных угроз устойчивому развитию государства и общества. В статье рассматриваются основные механизмы профилактики коррупции в государственных органах Российской Федерации. Рассмотрены теоретические основы противодействия коррупции и проанализированы действующие нормативные акты. В работе рассмотрена юридическая ответственность за коррупционные правонарушения. На основе анализа выявлены проблемы в действующей антикоррупционной политике, а также сформулированы предложения по ее совершенствованию. Особое внимание уделено инструментам контроля за доходами и расходами государственных служащих и другим мерам профилактики коррупционных нарушений. В заключении обозначены основные проблемы и пути совершенствования антикоррупционной политики. Также делается вывод о том, что эффективная антикоррупционная деятельность способствует прозрачности и укреплению доверия граждан к органам власти.

Ключевые слова: коррупция, государственное управление, государственная служба, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, комплаенс, профилактика коррупции.

SHAIGAROVA Emma Albertovna,
Master student, Kazan (Volga Region) Federal University

LEGAL MECHANISMS FOR THE PREVENTION OF CORRUPTION IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF IMPLEMENTATION

Annotation. For a long time, corruption as a socio-legal phenomenon remains one of the main threats to the sustainable development of the state and society. The article discusses the main mechanisms for preventing corruption in government agencies of the Russian Federation. The theoretical foundations of anti-corruption are considered and the current regulations are analyzed. The paper considers the legal responsibility for corruption offenses. Based on the analysis, problems in the current anti-corruption policy have been identified, as well as proposals for its improvement have been formulated. Special attention is paid to tools for monitoring the income and expenses of civil servants and other measures to prevent corruption violations. In conclusion, the main problems and ways to improve the anti-corruption policy are outlined. It is also concluded that effective anti-corruption activities promote transparency and strengthen citizens' trust in government.

Key words: corruption, public administration, public service, anti-corruption policy, anti-corruption, compliance, corruption prevention.

Введение

При активной трансформации публичной власти, цифровизации государственного управления и усложнении процессов управления коррупция приобретает новые формы. Это требует внесения коррективов и совершенствования правовых механизмов противодействия.

Особую значимость приобретает профилактика коррупции в государственных органах, так как именно на уровне государственной власти

реализуются решения, которые влияют на все сферы жизни общества и уровень доверия населения.

Актуальность исследования обусловлена сохраняющимся высоким уровнем коррупционных преступлений. По данным Генпрокуратуры Российской Федерации, в 2025 году было зарегистрировано более 43 тысяч дел о коррупции, что на 12,4% больше, чем в аналогичном периоде 2024 года [10]. При этом значительная часть преступлений приходится на государственное управление и связана со взяточничеством и злоупотреблением должностными обязанностями. Особую значимость представляют преступления в сфере госзакупок, строительства и ЖКХ, где ущерб исчисляется значительными суммами.

Наглядно статистику коррупционных преступлений представим на рисунке 1.

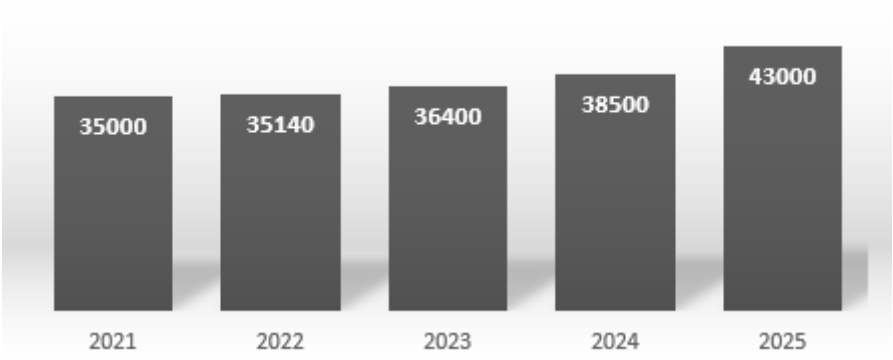


Рисунок 1. Статистика коррупционных преступлений в России 2021-2025 годы

Основная часть

Коррупция в системе государственного управления является сложным социально-правовым явлением. Она включает в себя совокупность противоправных действий, связанных с использованием должностного положения в целях извлечения личной выгоды. Проявляться может в разных формах, например, в получение или дача взяток, злоупотребление и превышение должностных полномочий, подкуп или в виде конфликта интересов. Существенно затрудняет выявление коррупции ее латентный характер.

Как отмечает К.В. Козлов, коррупция в органах власти носит системный характер и обусловлена институциональными и организационными факторами, которые способствуют воспроизводству коррупционных практик. Поэтому необходимо применять системный подход, который будет комплексно воздействовать как на причины, так и на условия возникновения коррупции [8, с. 61].

Аналогичной позиции придерживается и Е.В. Мандрыкина. Она рассматривает коррупцию не только как правовую, но и как социальную проблему, которая рушит основы государственного управления и препятствует эффективному распределению ресурсов государства [9, с. 45].

Антикоррупционная деятельность в системе государственного управления представляет собой совокупность правовых и организационных мер, которые направлены на предупреждение, выявление и пресечение коррупционных преступлений.

Антикоррупционная политика способствует повышению эффективности государственного управления. Коррупция приводит к тому, что ресурсы государства используются неэффективно, а госслужащие несут ответственность не перед народом, а перед своими коррупционными связями. Борьба с коррупцией позволяет создать условия для эффективного использования ресурсов и повышения качества государственных услуг. Также борьба с коррупцией позволяет создать условия для открытости и прозрачности государственных процессов, что, в свою очередь, способствует повышению доверия населения к государственным органам [6, с. 12267].

Ю.А. Полтанович рассматривает антикоррупционную политику как часть правовой политики государства, направленную на обеспечение устойчивого функционирования государственного механизма. Противодействие коррупции должно носить системный и комплексный характер и, помимо нормативного регулирования охватывает и организационные и культурные аспекты [11, с. 37].

Существенное значение в системе профилактики коррупции имеет нормативно-правовое регулирование. В Российской Федерации сформирована многоуровневая система антикоррупционного законодательства. Она охватывает Конституцию, федеральные законы, указы Президента и другие нормативные акты.

Основным нормативно-правовым актом является Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ [3]. В нем закреплены основные понятия, принципы и направления государственной политики по предупреждению и пресечению правонарушений.

В статье 3 данного закона обозначены основные принципы противодействия коррупции. Они включают в себя законность, публичность, открытость, неотвратимость ответственности, при-

оритет и комплексность мер по предупреждению коррупции.

В ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ [2] установлены основные требования к служебному поведению гражданских служащих, а в ФЗ 230-ФЗ предусмотрен контроль за расходами должностных лиц [4]. А Указ Президента от 18.05.2009 № 559 регулирует порядок представления и проверки сведений о доходах и имуществе [5].

Кроме того, учитываются и международные обязательства, например Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, которая включает положения об обязанности стран-участников принимать меры по предупреждению, выявлению и пресечению коррупции [1].

Исследователи отмечают, что эффективность противодействия коррупции зависит не только от законодательства, но и от качества его реализации. Важную роль в этом процессе играет антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, направленная на выявление коррупциогенных факторов. Г.Г. Фастович и И.В. Кудашова подчеркивают, что этот инструмент повышает качество законодательства и предотвращает возникновение условий для коррупционных действий [14, с. 14].

Одним из основных инструментов профилактики сегодня является комплаенс-контроль. Он представляет собой систему внутреннего контроля, направленную на обеспечение и соблюдение законодательства и предупреждение нарушений. В государственном управлении такой подход позволяет выявить и минимизировать коррупционные риски на ранних стадиях. Комплаенс-система включает разработку антикоррупционных стандартов поведения, процедуры декларирования доходов, способы урегулирования ситуаций конфликта интересов и проведение внутренних проверок.

Исследователи отмечают, что антикоррупционный контроль должен интегрироваться в систему госуправления и обеспечивать постоянный мониторинг [12, с 106].

Важным является и юридическая ответственность за коррупционные правонарушения. Она включает уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность. Но, несмотря на наличие развитой системы санкций, на практике их применение сталкивается с некоторыми проблемами. Основными являются сложности выявления и доказывания преступлений, высокий уровень их латентности и недостаточность профилактических мер.

Современная антикоррупционная деятельность должна быть ориентирована на усиление превентивных механизмов и формирование антикоррупционной культуры среди государственных служащих. Это предполагает не только совершенствование законодательства, но и развитие образовательных и воспитательных мер, которые направлены на формирование устойчивого неприятия коррупции.

Несмотря на предпринимаемые меры, в антикоррупционной политике сохраняются определенные проблемы. К ним можно отнести формальный характер отдельных антикоррупционных мероприятий, при котором соблюдение установленных требований носит декларативный, а не содержательный характер.

Еще одной проблемой является недостаточная координация между государственными органами, что приводит к снижению эффективности контроля из-за дублирования функций.

Также сохраняется низкий уровень правовой культуры как среди государственных служащих, так и среди граждан. Это затрудняет формирование неприятия коррупции.

Отдельно нужно выделить проблему ограниченной эффективности механизмов контроля. Она обусловлена недостаточной прозрачностью отдельных процедур, так и сложностями выявления латентных коррупционных нарушений. Поэтому актуальным становится совершенствование существующих правовых механизмов, которое будет направлено на повышение их результатов именно на практике.

В качестве перспективных направлений видится внедрение цифровых технологий, развитие комплаенс-системы и усиление превентивной направленности антикоррупционной деятельности.

Особо выделим внедрение цифровых технологий. Оно включает использование государственных информационных систем, электронного документооборота, технологий обработки больших данных и автоматизации их анализа.

Благодаря применению цифровых технологий в сфере госзакупок можно отследить все этапы заключения и исполнения контрактов в реальном времени, и выявить отклоняющиеся операции и признаки сговора. Благодаря искусственному интеллекту и алгоритмам аналитики можно выявлять коррупционные риски на основе больших массивов данных, например, сведений о доходах, расходах и имуществе должностных лиц.

Кроме того, развитие открытых государственных информационных ресурсов повышает прозрачность деятельности органов власти. В целом коррупционные риски снижаются за счет автоматизации, минимизации человеческого участия и повышения контроля.

Важное значение имеет совершенствование института антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, благодаря которому можно выявлять коррупциогенные факторы еще на стадии разработки правового регулирования. Благодаря данному механизму можно устранить проблемы в законодательстве.

Кроме того, антикоррупционная экспертиза

позволит повысить качество нормативно-правовых актов и привести их к соответствию принципам законности и справедливости. Усиление данного института возможно при расширении круга субъектов защиты и внедрении цифровых инструментов для анализа норм.

Важным направлением является и повышение прозрачности деятельности органов государственной власти. Оно включают в себя расширение доступа к информации о принимаемых решениях и расходовании бюджета. Повышение уровня открытости формирует у граждан доверие к институтам власти и снижает возможности злоупотребления. Важными в этом становятся официальные порталы, публикации и развитие механизма открытых данных, которые обеспечивают доступ граждан к важной информации.

Возрастает и роль контроля со стороны общественности. Благодаря участию гражданского общества в выявлении и предупреждении коррупционных правонарушений повышается общая эффективность антикоррупционной политики. Общественный контроль может реализовываться через деятельность общественных советов, некоммерческих организаций и СМИ. А самое главное через обратную связь о фактах коррупции от граждан через цифровые платформы.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовые механизмы профилактики коррупции в системе государственного управления Российской Федерации сложная и многоуровневая система. Она включает в себя нормативное регулирование, институциональные механизмы и правоприменительную практику.

Несмотря на наличие развитой законодательной базы и внедрение современных инструментов контроля, проблема коррупции остается системной, что требует совершенствования антикоррупционной политики.

Современные тенденции свидетельствуют о необходимости перехода к превентивным механизмам. Они должны быть направлены на предупреждение коррупционных рисков. Повышение эффективности антикоррупционной деятельности возможно только при комплексном подходе. Он должен включать в себя совершенствование законодательства, развитие комплаенс-контроля, повышение правовой культуры и активное участие граждан.

Реализация данных улучшений позволит не только повысить эффективность государственного управления, но и укрепить доверие граждан к институтам власти.

Список литературы:

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003, принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 04.05.2026).

[2] Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 04.05.2026).

[3] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии коррупции» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 04.05.2026).

[4] Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138550/ (дата обращения: 04.05.2026).

[5] Указ Президента Российской Федерации от 18.05.2009 № 559 (ред. от 31.12.2025) «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87845/ (дата обращения: 04.05.2026).

[6] Гареев Р. А. Антикоррупционная политика как фактор модернизации государственного управления // Экономика и социум. 2024. С. 1266-1269.

[7] Гладких В. И., Алиев В. М., Степанов-Егиянц В. Г. Противодействие коррупции на государственной службе: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 207 с.

[8] Козлов К. В. Системный подход к противодействию коррупции в органах исполнительной власти Российской Федерации // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 6 (18). С. 60-65.

[9] Мандрыкина Е. В. Механизм противодействия коррупции и перспективы борьбы с ней в системе государственной власти и местного самоуправления // Концепции развития и эффективного использования научного потенциала общества. 2023. С. 43-47.

[10] МВД зафиксировало рост коррупционных преступлений на 12,4% // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/12/08/1161231-mvd-zafiksirovalo-rost-korruptsionnih-prestuplenii (дата обращения: 04.05.2026).

[11] Полтанова Ю. А. Антикоррупционная политика как разновидность правовой политики // Современные условия интеграционных процессов в науке. 2022. С. 36-38.

[12] Столярова И. В. Антикоррупционный контроль в системе государственного и муниципального управления // Вестник магистратуры. 2022. № 6. С. 105-106.

[13] Фастович Г. Г. Меры по противодействию коррупции в Российской Федерации как один из критериев эффективности государственного механизма // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). С. 6-7.

[14] Фастович Г. Г., Кудашова И. В. Антикоррупционная экспертиза как один из факторов повышения эффективности государственного механизма // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (215). С. 13-15.

References:

[1] United Nations Convention against Corruption of October 31, 2003, adopted by UN General Assembly Resolution 58/4 // United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (accessed: May 4, 2026).

[2] Federal Law No. 79-FZ of July 27, 2004 (as amended on December 28, 2025) "On the State Civil Service of the Russian Federation" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (accessed: May 4, 2026).

[3] Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 (as amended on December 28, 2025) "On Combating Corruption" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed: May 4, 2026).

[4] Federal Law No. 230-FZ of December 3, 2012 (as amended on December 28, 2025) "On Monitoring the Conformity of Expenditures of Persons Holding State Positions and Other Persons with Their Income" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138550/ (accessed: May 4, 2026). [5] Decree of the President of the Russian Federation No. 559 dated May 18, 2009 (as amended on December 31, 2025) «On the Submission of Information on Income, Property, and Property-Related Obligations by Citizens Applying for Federal Civil Service Positions and by Federal Civil Servants» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87845/ (accessed: May 4, 2026).

[6] Gareev R. A. Anti-Corruption Policy as a Factor in the Modernization of Public Administration // Ekonomika i Sotsium (Economy and Society). 2024. pp. 1266–1269.

[7] Gladkikh V. I., Aliev V. M., Stepanov-Egiyants V. G. Combating Corruption in the Civil Service: A Textbook for Higher Education Institutions. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 207 p.

[8] Kozlov K. V. A Systems Approach to Combating Corruption in the Executive Branch of the Russian Federation // Theory of Law and Interstate Relations. 2021. Vol. 1. No. 6 (18). pp. 60–65.

[9] Mandrykina E. V. The Mechanism for Combating Corruption and Prospects for Addressing It within the System of Public Authority and Local Self-Government // Concepts for the Development and Effective Use of the Scientific Potential of Society. 2023. pp. 43–47.

[10] Ministry of Internal Affairs Records a 12.4% Increase in Corruption-Related Crimes // Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/12/08/1161231-mvd-zafiksirovalo-rost-korruptsionnih-prestuplenii (accessed: 04.05.2026).

[11] Poltanova Yu. A. Anti-corruption policy as a type of legal policy // Modern Conditions for Integration Processes in Science. 2022. pp. 36–38.

[12] Stolyarova I. V. Anti-corruption oversight within the system of state and municipal administration // Bulletin of Master's Studies. 2022. No. 6. pp. 105–106.

[13] Fastovich G. G. Anti-corruption measures in the Russian Federation as a criterion for the effectiveness of the state mechanism // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 8 (236). pp. 6–7.

[14] Fastovich G. G., Kudashova I. V. Anti-corruption expert review as a factor in enhancing the effectiveness of the state mechanism // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 11 (215). pp. 13–15.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-14-17

КОРОБОВ Илья Андреевич,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
e-mail: kiaorobov6@gmail.com

Научный руководитель:
МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий,
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: alexmin@bk.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В СЛОВАКИИ

Аннотация. Исследуются конституционные гарантии защиты информации в Словацкой Республике. На основе системного толкования Конституции и анализа практики Конституционного суда раскрываются пределы сбора сведений, ограничения доступа и автоматизированного оценивания лиц. Обосновывается различие между технической защищенностью системы и правомерностью обработки информации. Предлагается функциональная классификация гарантий, позволяющая последовательно проверить основание вмешательства, его соразмерность и доступность судебной защиты. Уточняется порядок согласования национальных гарантий с Хартией основных прав ЕС и Европейской конвенцией о правах человека.

Ключевые слова: Словакия, конституционные гарантии, информационная безопасность, частная жизнь, право на информацию, пропорциональность, судебная защита.

KOROBOV Ilya Andreevich,
Candidate of Legal Sciences degree applicant
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Academic Supervisor:
MINBALEEV Alexey Vladimirovich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Department of Information Law and Digital Technologies
at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF INFORMATION PROTECTION IN SLOVAKIA

Annotation. The article examines constitutional guarantees of information protection in Slovakia. A systematic interpretation of the Constitution and analysis of Constitutional Court decisions reveal limits on data collection, restrictions on access to information, and automated assessment of individuals. The article distinguishes technical system security from the lawfulness of information processing. It proposes a functional classification of guarantees for assessing the legal basis and proportionality of interference and the availability of judicial protection. It also explains how national guarantees interact with the EU Charter of Fundamental Rights and the European Convention on Human Rights.

Key words: Slovakia, constitutional guarantees, information security, privacy, right to information, proportionality, judicial protection.

Конституционные гарантии защиты информации определяют пределы поведения публичной власти: какие сведения она вправе получать, когда обязана предоставить доступ и как лицо может оспорить вмешательство. Системное толкование словацких норм позволяет обосновать следующий вывод: информационная безопасность требует правомерной обработки

сведений и защиты от их утраты либо неправомерного использования. Техническая надежность системы не устраняет нарушение, вызванное чрезмерным сбором данных.

Конституция Словацкой Республики от 1 сентября 1992 г. № 460/1992 Zb. не закрепляет отдельного права на информационную безопасность. Часть 3 ст. 19 защищает от неправомерного сбора, опубликования и иного злоупотребления сведениями о личности; статья 22 охраняет тайну сообщений и персональные данные. Статья 26 гарантирует свободу выражения мнения и право на информацию, а статья 46 — судебную защиту [1, ст. 19, 22, 26, 46]. Совокупность этих норм защищает человека как от необоснованного раскрытия сведений о нем, так и от неправомерного ограничения доступа к общественно значимой информации. Поэтому режим защиты нельзя оценивать только по объему засекреченных данных.

Статья 26 Конституции защищает возможность каждого выражать мнения, получать и распространять информацию. Ее часть 5 обязывает публичную власть предоставлять сведения о своей деятельности в установленном законом порядке. Часть 4 допускает необходимые в демократическом обществе законодательные ограничения ради перечисленных в ней интересов, включая права других лиц и безопасность государства [1, ст. 26, ч. 1–5]. Поэтому отказ требует объяснения, как запрошенное раскрытие угрожает защищаемому интересу.

Пределы такого обоснования показаны в постановлении Конституционного суда Словацкой Республики от 5 ноября 2025 г. по делу PL. ÚS 6/2025. Суд признал неконституционными оспоренные нормы, допускавшие плату за особо объемный поиск информации. Предотвращение административной перегрузки и злоупотребления запросами в предложенном законодателем обосновании не соответствовало целям ограничения, перечисленным в ч. 4 ст. 26 [2, резолютивная часть, п. 48, 51–54]. Значение решения состоит в недопустимости подменять конституционное основание ограничения организационным удобством. Оно не означает запрета возмещать любые материальные расходы на предоставление информации: оценивался определенный механизм оплаты поиска.

Статья 13 Конституции требует законодательной формы ограничения, соблюдения сущности права и установленной цели. Т. Лялик отмечает, что абстрактность легитимной цели облегчает оправдание вмешательства [1, ст. 13]. Поэтому ссылка на безопасность вообще недостаточна: необходимо объяснить пригодность меры, проверить менее обременительные средства и сопоставить ожидаемую пользу с ущербом для права.

В постановлении от 29 апреля 2015 г. по делу PL. ÚS 10/2014 Конституционный суд рассмотрел обязательное хранение данных связи и доступ к ним правоохранительных органов. Сведения о времени, месте и участниках коммуникации способны раскрывать частную жизнь без ознакомления с содержанием разговора. Суд признал оспоренные положения не соответствующими конституционным гарантиям. В частности, возможность получать данные при расследовании любого умышленного преступления была чрезмерно широкой; предварительное разрешение судьи не восполняло отсутствие достаточных законодательных пределов [4, с. 1–2]. Следовательно, независимый контроль должен опираться на определенные законом критерии, а не создавать их вместо законодателя.

Суд также потребовал защиты полученных сведений от постороннего доступа и использования для иных целей, правил уничтожения, последующего информирования лица и судебной проверки [4, п. 136–138]. Следовательно, законность получения не разрешает любое дальнейшее применение данных. Конституционная оценка охватывает весь период обращения с ними; технический контроль доступа не заменяет правового основания.

В постановлении от 10 ноября 2021 г. по делу PL. ÚS 25/2019 о системе e-kasa (электронной кассы) суд признал неконституционной норму об уникальном идентификаторе покупателя; в остальной части заявление было отклонено [5, резолютивная часть]. Система передачи кассовых данных финансовой администрации не была запрещена в целом. Вывод для публичного управления конкретен: необходимость контролировать выручку продавца не объясняет автоматически потребность идентифицировать покупателя.

Суд отдельно указал на необходимость законодательного основания и гарантий автоматизированного оценивания лица, в том числе когда окончательное решение принимает служащий [5, п. 120–125, 130–132]. Разрешение собирать сведения не означает автоматического разрешения использовать их для прогнозирования поведения. При проектировании государственных систем требуется отдельно обосновывать состав данных и предполагаемую аналитику.

Статья 7 Хартии основных прав ЕС защищает частную жизнь и коммуникации, статья 8 — персональные данные, включая целевую обработку на законном основании и независимый контроль. По ч. 1 ст. 51 государства-члены связаны Хартией при осуществлении права ЕС [6, ст. 7, 8, 51]. Необходимо установить конкретную связь спорной меры с правом Союза. В деле электронной кассы словацкий суд различил вопросы, не урегулированные, частично и полностью урегулированные правом ЕС [5, раздел B правовых позиций]. Сходство названий прав не определяет применимый стандарт.

Официальные разъяснения связывают статью 7 Хартии со статьей 8 Европейской конвен-

ции о защите прав человека и основных свобод, охраняющей частную жизнь. Статья 8 самой Хартии защищает персональные данные; конвенционная статья 10 — выражение мнений, получение и распространение информации [7, ст. 8, 10]. При совместном применении источников сначала устанавливается сфера каждого, затем проверяются общие требования законности и необходимости и учитываются специальные гарантии. Перечень норм не заменяет мотивировки.

Статья 46 Конституции закрепляет судебную защиту, а статья 127 допускает конституционную жалобу физического или юридического лица, если защиту соответствующих прав не осуществляет другой суд [1, ст. 46, ч. 1–2; ст. 127, ч. 1]. Решение об информации должно сохранять проверяемое обоснование. В отношениях с бизнесом эти гарантии ограничивают полномочия проверяющего органа: обязанности компании нельзя выводить из общего требования безопасности без конкретного правового основания.

Предлагается классифицировать гарантии по юридической функции. Материальные определяют защищаемые права; ограничительные — условия вмешательства; позитивные — обязанности государства обеспечить доступ и защиту; процессуально-институциональные — контроль и обжалование; координационные — совместное применение национальных и европейских норм. Такой критерий выявляет конкретный пробел: охраняемое право не восполняет неопределенность закона, а судебная процедура не оправдывает чрезмерный сбор. Результат оценки должен указывать допустимую операцию, ее основание, пределы и средство защиты.

Список литературы:

[1] Ústava Slovenskej republiky č. 460/1992 Zb. Конституция Словацкой Республики. Редакция, действующая с 01.11.2025. // Slov-Lex. URL: https://static.slov-lex.sk/pdf/SK/ZZ/1992/460/ZZ_1992_460_20251101.pdf (дата обращения: 24.09.2026).

[2] Ústavný súd Slovenskej republiky. Nález PL. ÚS 6/2025 z 05.11.2025 Конституционный суд СР. Постановление по делу PL. ÚS 6/2025 от 05.11.2025. // Ústavný súd Slovenskej republiky. URL: https://www.ustavnysud.sk/docDownload/f27a3229-367f-4fef-9848-b567ba454e3c (дата обращения: 24.09.2026).

[3] Ľalík T. Test legitímneho účelu v judikatúre Ústavného súdu SR Проверка легитимной цели в практике Конституционного суда СР // 30 rokov Ústavy Slovenskej republiky: skúsenosti a perspektívy v dobrom aj v zlom počasí 30 лет Конституции Словацкой Республики: опыт и перспективы в благоприятных и неблагоприятных условиях / ed. V. Bujňák. Bratislava : Wolters Kluwer SR, 2022. S. 99–117.

[4] Ústavný súd Slovenskej republiky. Nález PL. ÚS 10/2014 z 29.04.2015 Конституционный суд СР. Постановление по делу PL. ÚS 10/2014 от 29.04.2015. // Ústavný súd Slovenskej republiky. URL: https://www.ustavnysud.sk/docDownload/6c439346-cdfa-442d-86e7-5f616e2cf9f4/%C4%8D.%201%20-%20PL.%20%C3%9AS%2010_2014.pdf (дата обращения: 24.09.2026).

[5] Ústavný súd Slovenskej republiky. Nález PL. ÚS 25/2019 z 10.11.2021 Конституционный суд СР. Постановление по делу PL. ÚS 25/2019 от 10.11.2021. // Ústavný súd Slovenskej republiky. URL: https://www.ustavnysud.sk/docDownload/2880f525-6eab-42b3-bc2c-75e164decafd/%C4%8D.%205%20-%20PL.%20%C3%9AS%2025_2019.pdf (дата обращения: 24.09.2026).

[6] Charter of Fundamental Rights of the European Union Хартия основных прав Европейского союза // Official Journal of the European Union Официальный журнал Европейского союза. 2016. C 202. P. 389–405.

[7] Explanations relating to the Charter of Fundamental Rights Разъяснения к Хартии основных прав // Official Journal of the European Union Официальный журнал Европейского союза. 2007. C 303. P. 17–35.

[8] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Rome, 04.11.1950. Ст. 8, 10.

References:

[1] Конституция Словацкой Республики № 460/1992 Сб. Редакция, действующая по состоянию на 01.11.2025. // Slov-Lex. URL: https://static.slov-lex.sk/pdf/SK/ZZ/1992/460/ZZ_1992_460_20251101.pdf (дата обращения: 24.09.2026).

[2] Конституционный суд Словацкой Республики. Постановление PL. ÚS 6/2025 от 05.11.2025. // Конституционный суд Словацкой Республики. URL: https://www.ustavnysud.sk/docDownload/f27a3229-367f-4fef-9848-b567ba454e3c (дата обращения: 24.09.2026).

[3] Ľalík T. The Legitimate Purpose Test in the Case Law of the Constitutional Court of the Slovak Republic («Критерий правомерной цели в практике Конституционного суда Словацкой Республики») // 30 Years of the Constitution of the Slovak Republic: Experiences and Perspectives in Good Times and Bad («30 лет Конституции Словацкой Республики: опыт и перспективы в хорошие и трудные времена») / под ред. V. Bujňák. Братислава: Wolters Kluwer SR, 2022. С. 99–117.

[4] Конституционный суд Словацкой Республики. Постановление PL. ÚS 10/2014 от 29.04.2015. // Конституционный суд Словацкой Республики. URL: https://www.ustavnysud.sk/docDownload/6c439346-cdfa-442d-86e7-5f616e2cf9f4/%C4%8D.%201%20-%20PL.%20%C3%9AS%2010_2014.pdf (дата обращения: 24.09.2026).

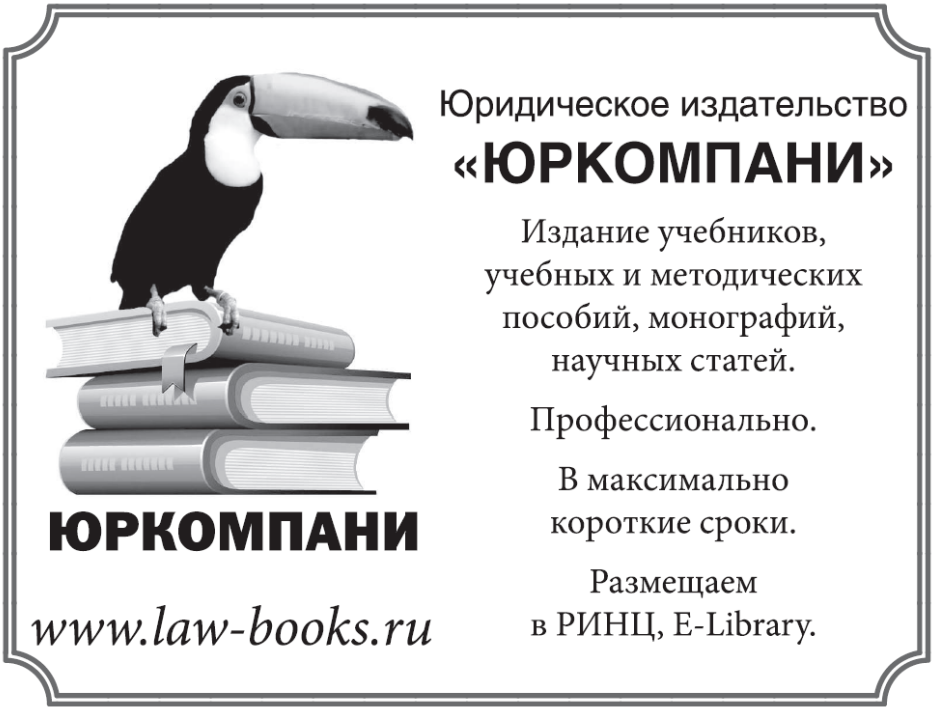
[5] Конституционный суд Словацкой Ре-

спублики. Решение по делу PL. ÚS 25/2019 от 10.11.2021. // Конституционный суд Словацкой Республики. URL: https://www.ustavnysud.sk/docDownload/2880f525-6eab-42b3-bc2c-75e164decafd/%C4%8D.%205%20-%20PL.%20%C3%9AS%2025_2019.pdf (дата обращения: 24.09.2026).

[6] Хартия основных прав Европейского союза. 2016. С 202. С. 389–405.

[7] Пояснения к Хартии основных прав. 2007. С 303. С. 17–35.

[8] Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4 ноября 1950 г. Ст. 8, 10.



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-18-24

ГАВЧУК Денис Васильевич,
PhD, профессор, член Международной федерации информационных технологий, путешествий и туризма (Австрия), Нью-Йоркской академии наук (США), Торгово-промышленной палаты РФ, Москва (Сергиев Посад), Россия, e-mail: midk@bk.ru

ПИРОГОВ Павел Павлович,
кандидат юридических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет», Мурманск, Россия, e-mail: ppp17@mail.ru

МИРОНОВА Анна Николаевна,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «ЯГПУ им. К. Д. Ушинского», Ярославль, Россия, e-mail: annamir20181@mail.ru

БОЧАРОВ Михаил Владимирович,
кандидат педагогических наук, доцент, УФСИН по Ярославской области, Ярославль, Россия, e-mail: m.bocharov2012@yandex.ru

ИВАНОВ Николай Александрович,
преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сочинский государственный университет», Сочи, Россия, e-mail: ivanovnik45@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена системному правовому анализу реализации конституционного права на образование в Российской Федерации в условиях масштабного перехода к дистанционным и смешанным форматам обучения. На основе данных Министерства просвещения РФ, Рособрнадзора, а также результатов эмпирического опроса 1 600 обучающихся из 24 субъектов страны в работе оценивается реальная обеспеченность цифровой инфраструктурой, выявляются риски нарушения равенства доступа к образованию и анализируется проблема сохранения качества образовательных услуг при экстерриториальном взаимодействии. Проведён сравнительно-правовой анализ с применением норм Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), а также изучена практика конституционных судов Германии и Франции в части поиска баланса между технологической необходимостью и базовыми свободами. Сформулированы конкретные предложения по законодательному закреплению стандартов цифрового обеспечения права на образование, определению пределов платформизации и защите цифровых профилей обучающихся от несанкционированного контроля.

Ключевые слова: конституционное право, право на образование, цифровая трансформация, дистанционное обучение, равенство доступа, сравнительное правоведение, цифровое неравенство, защита персональных данных, позитивные обязательства государства.

GAVCHUK Denis Vasilyevich,
PhD, Professor, member of the International Federation for Information Technology and Travel & Tourism (Austria), the New York Academy of Sciences (USA), and the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Moscow (Sergiev Posad), Russia

PIROGOV Pavel Pavlovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Murmansk Arctic University,
Murmansk, Russia

MIRONOVA Anna Nikolaevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer,
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia

BOCHAROV Mikhail Vladimirovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia for the Yaroslavl Region,
Yaroslavl, Russia

IVANOV Nikolai Aleksandrovich,
Lecturer,
Sochi State University,
Sochi, Russia

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF THE RIGHT TO EDUCATION UNDER DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. The article provides a systemic legal analysis of the implementation of the constitutional right to education in the Russian Federation amid the massive transition to distance and blended learning formats. Drawing on data from the Ministry of Education, Rosobrnadzor, and the results of an empirical survey of 1,600 students from 24 regions, the paper evaluates the actual provision of digital infrastructure, identifies risks to equal access to education, and analyzes the challenge of maintaining educational quality during cross-border interactions. A comparative legal analysis is conducted, incorporating the standards of the European Court of Human Rights (ECHR) and examining the jurisprudence of the constitutional courts of Germany and France regarding the balance between technological necessity and fundamental freedoms. The authors formulate concrete proposals for legislating digital standards for educational rights, defining the limits of platformization, and protecting students' digital profiles from unauthorized monitoring.

Key words: constitutional law, right to education, digital transformation, distance learning, equality of access, comparative jurisprudence, digital divide, personal data protection, positive obligations of the state.

Введение

Цифровые технологии заметно изменили условия реализации права на образование. Если ранее доступность образования в основном связывалась с наличием сети образовательных организаций и бюджетным финансированием, то в настоящее время существенное значение приобрели доступ к интернету, наличие устройств, устойчивость образовательных платформ и цифровые навыки обучающихся. Поэтому гарантии, закрепленные в статье 43 Конституции Российской Федерации, следует оценивать не только формально, но и с учетом фактических условий обучения. При переходе к дистанционным и смешанным форматам право на образование может ограничиваться инфраструктурными и экономическими барьерами, что ставит вопрос о равенстве доступа и допустимых пределах использования цифровых средств в образовательном процессе.

Коллизия между стремительным технологическим развитием и консервативной природой конституционных гарантий проявляется в том, что цифровизация, с одной стороны, позиционируется как инструмент расширения образовательных возможностей, стирающий географические границы. С другой стороны, она возлагает на граждан скрытое бремя материального обеспечения образовательного процесса — необходимость наличия стабильного широкополосного доступа в интернет, современных аппаратных средств, а также базовой цифровой грамотности. Представляется очевидным, что в сложившихся условиях позитивная обязанность публичной власти по обеспечению доступности образования трансформируется: государство больше не может ограничиваться лишь строительством школьных зданий и выплатой заработной платы преподавателям. Возникает новая доктринальная и практическая задача — гарантировать каждому обучающемуся «цифровой минимум», без которого реализация права на образование становится фикцией.

Кроме того, платформизация образования порождает серьезные правовые риски, связанные с тотальным сбором персональных данных, формированием неотчуждаемых цифровых следов обучающихся и алгоритмическим контролем

за их поведением. Делегирование части образовательных полномочий частным технологическим корпорациям ставит под угрозу конституционные положения о неприкосновенности частной жизни и защите информации. Эти процессы настоятельно требуют комплексного юридического осмысления, поскольку фрагментарные изменения профильного законодательства не успевают за темпами цифровой экспансии, оставляя участников образовательных отношений в ситуации правовой неопределенности.

В конституционно-правовом смысле право на образование не может интерпретироваться изолированно. Оно находится в прямой связи с принципами социального государства, равенства, достоинства личности и судебной защиты, а в цифровой среде — также с гарантиями информационного самоопределения. Поэтому вопрос о допустимости дистанционного либо смешанного формата обучения следует ставить не в плоскости технологической эффективности как таковой, а в плоскости сохранения реального объема субъективного права. Если цифровой формат снижает доступность программы для отдельных категорий обучающихся, затрудняет обжалование результатов контроля или делает обязательным избыточный сбор данных, конституционная оценка такой практики не может быть положительной [3; 4; 7; 8; 9].

Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования был применен комплекс общенаучных и специальных юридических методов. В качестве базового использован формально-юридический метод, позволивший проанализировать содержание положений Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», а также ряда подзаконных актов, регламентирующих порядок применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Системный и интерпретационный подходы применялись при оценке коллизий между нормами об общедоступности образования и фактическими условиями функционирования цифровых образовательных платформ.

Особое место в методологии исследования занял сравнительно-правовой анализ. С целью выявления универсальных стандартов цифрового обеспечения права на образование были изучены подходы Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) к толкованию статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Дополнительно исследована практика конституционного правосудия и нормотворчества зарубежных стран, в частности, Основной закон и решения Федерального конституционного суда Германии в контексте реализации программы «DigitalPakt Schule», а также положения Образовательного кодекса Франции и директивы французской Национальной комиссии по информатике и свободам (CNIL), касающиеся приватности школьников в цифровой среде.

В качестве эмпирической и фактологической базы исследования выступили официальные данные и отчеты Министерства просвещения Российской Федерации и Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) за период 2020–2024 годов. Наряду с официальной статистикой, в работе использованы результаты масштабного социолого-правового опроса, охватившего 1 600 обучающихся общеобразовательных и высших учебных заведений из 24 субъектов Российской Федерации. Предметом анкетирования стали вопросы технической оснащенности, частоты сбоев при использовании государственных и частных образовательных платформ, субъективного восприятия качества дистанционного обучения и информированности о механизмах защиты персональных данных. Анализ полученных данных, не перегружая исследование статистическими таблицами, позволил сделать обоснованные выводы о высокой степени инфраструктурной неоднородности регионов и неравномерности доступа граждан к цифровым гарантиям конституционного права на образование.

Методологически существенным было и то, что оценка цифровой трансформации образования проводилась не только через категорию «доступ», но и через категорию «правовой стандарт качества». Иначе говоря, исследовался не сам факт перевода образовательной коммуникации в онлайн-среду, а вопрос о том, сохраняются ли при таком переводе конституционно значимые элементы права на образование: возможность усвоения программы, доступ к педагогической поддержке, прозрачность оценивания, право на апелляцию, защита данных и учет уязвимого положения отдельных групп обучающихся. Такая рамка, на наш взгляд, позволяет избежать упрощенного технологического детерминизма и увидеть реальный масштаб публично-правовых обязанностей государства.

Результаты и обсуждение

Конституционное право на образование в цифровую эпоху претерпевает сущностную трансформацию. Статья 43 Конституции Российской Федерации гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования. Доктринальное толкование данных гарантий в доцифровую эпоху сводилось к обязанности государства создать достаточную сеть физических образовательных организаций. Однако при переходе к дистанционным форматам сама концепция «доступности» кардинально меняет свое содержание. Как справедливо отмечает-

ся в научной литературе, экономико-правовые аспекты интеграции инновационных технологий в общественные процессы требуют пересмотра механизмов государственного регулирования и финансирования [11]. В ситуации, когда освоение учебной программы объективно невозможно без персонального компьютера, лицензионного программного обеспечения и стабильного интернет-соединения, отсутствие таковых у обучающегося превращает формально обеспеченное право в непреодолимую привилегию.

В связи с этим возникает вопрос о пределах позитивных обязанностей публичной власти. По нашему мнению, государство не вправе перекладывать материальные издержки по обеспечению цифровой образовательной инфраструктуры исключительно на плечи семей, особенно в условиях социально-экономического расслоения общества. Результаты проведенного авторским коллективом опроса 1 600 обучающихся из 24 регионов убедительно свидетельствуют о том, что значительная часть респондентов из сельской местности и малых городов регулярно сталкивалась с невозможностью полноценно участвовать в синхронных онлайн-занятиях из-за низкого качества связи, дефицита абонентских устройств внутри семьи либо нестабильной работы используемых платформ. Подобная ситуация порождает прямую угрозу цифровой дискриминации, когда качество получаемого образования ставится в зависимость от технологического оснащения домохозяйства, что прямо противоречит принципу равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 19 Конституции РФ). Следовательно, в содержание позитивных обязательств государства должна быть включена обязанность по разработке и финансированию стандартов гарантированного цифрового минимума, предоставляемого обучающимся из социально уязвимых категорий на безвозмездной основе.

Специфического правового внимания требует вопрос обеспечения права на образование в цифровой среде для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью. Теоретически цифровизация обладает огромным инклюзивным потенциалом, позволяя конструировать адаптивные среды, использовать технологии синтеза речи, экранные дикторы и альтернативные устройства ввода информации. Права студентов с ограниченными возможностями на беспрепятственный доступ к образованию, закрепленные в международных конвенциях и отечественном законодательстве, должны получать в цифровом пространстве приоритетную защиту [3; 12]. Тем не менее, правоприменительная практика и данные мониторинга Рособрнадзора показывают, что значительная часть региональных и частных образовательных порталов не соответствует требованиям доступности веб-контента. Отсутствие обязательной законодательной нормы о предварительном аудите образовательных платформ на предмет их доступности для лиц с сенсорными и моторными нарушениями превращает цифровую трансформацию из инструмента инклюзии в новый барьер. Здесь недостаточно общей отсылки к принципу недискриминации: необходимы императивные требования к интерфейсу, совместимости со специальными техническими средствами, срокам адаптации контента и юридической ответственности оператора платформы за цифровую недоступность образовательной услуги.

Другим острейшим конституционно-правовым вызовом является защита неприкосновенности частной жизни в условиях тотальной платформизации образования. Дистанционное обучение сопряжено с непрерывной генерацией так называемого «цифрового следа» обучающегося: фиксируется время входа в систему, траектория движения по учебным материалам, время задержки на конкретной странице, результаты промежуточных тестирований, биометрические данные при использовании систем прокторинга. В правовой доктрине справедливо ставится проблема классификации и процессуальной регламентации цифровых следов, которые могут быть использованы не только в образовательных, но и в административных или доказываниях [6]. Более того, массив накопленных образовательными платформами данных приобретает свойства цифрового актива. Защита цифровых активов от утечек и неправомерного использования коммерческими структурами требует не просто технического, а конституционно-правового регулирования [5].

Едва ли можно признать достаточным текущий уровень правовой регламентации, при котором согласие на обработку персональных данных обучающегося становится безальтернативным условием допуска к образовательному процессу. Возникает правовая аномалия: несогласие родителя на передачу данных частному оператору образовательной платформы фактически лишает ребенка возможности реализовать свое конституционное право на бесплатное образование. В этом аспекте необходимо обратиться к фундаментальным исследованиям в сфере защиты интеллектуальных и цифровых прав в современной информационной среде, которые указывают на необходимость жесткого разграничения данных, необходимых для исполнения публичной функции, и данных, собираемых в коммерческих (аналитических) целях [1; 2]. Государство обязано гарантировать, что отказ от использования проприетарных коммерческих сервисов не повлечет за собой отстранения от обучения, для чего должна существовать суверенная, строго контролируемая государственная информационная система, функционирующая в рамках публичного права.

Не менее значим и вопрос о качестве образовательной услуги в цифровой среде. Конституци-

онная гарантия права на образование не исчерпывается физическим или сетевым допуском к занятию. Если обучающийся получает формальный доступ к платформе, но лишен возможности оперативно взаимодействовать с преподавателем, получить мотивированную обратную связь, оспорить результаты прокторинга либо воспользоваться понятной процедурой апелляции, право на образование оказывается урезанным по существу. Именно поэтому цифровая трансформация должна сопровождаться процессуальными гарантиями: обязательным сохранением человеческого участия в принятии значимых оценочных решений, запретом на полностью автоматизированное выставление итоговой оценки, обязанностью образовательной организации раскрывать логику цифрового контроля и предоставлять обучающемуся эффективный механизм пересмотра спорного результата.

Дополнительную сложность создает перераспределение ролей между государством, образовательной организацией и частным платформенным посредником. По сути, частная цифровая инфраструктура начинает обслуживать публичную функцию, однако юридическая ответственность за качество и доступность образования по-прежнему размазана между несколькими субъектами. Представляется, что такой режим неопределенности недопустим. Если цифровая платформа фактически становится обязательным каналом реализации конституционного права, требования к ней должны устанавливаться не только договором, но и императивными нормами публичного права, включая требования к надежности, непрерывности сервиса, локализации данных, аудиту алгоритмов и публичной отчетности об инцидентах.

Сравнительно-правовой ракурс позволяет выявить эффективные модели реагирования на схожие вызовы. В практике Европейского Суда по правам человека сформировался устойчивый подход: хотя статья 2 Протокола № 1 не обязывает государства создавать конкретные образовательные системы, она требует, чтобы доступ к уже существующим институтам обеспечивался без дискриминации. В цифровом контексте это означает, что перевод обучения в онлайн-формат не может оправдывать снижение фактической доступности уже гарантированного образовательного блага. Показателен опыт Федеративной Республики Германия, где право на образование тесно увязано с принципами социального федерализма. Реализация программы «DigitalPakt Schule» продемонстрировала, что цифровая модернизация допустима лишь при наличии публичного финансирования инфраструктуры и распределения ответственности между федерацией и землями [10]. При этом немецкая конституционная доктрина сохраняет высокую чувствительность к праву на информационное самоопределение, что сдерживает чрезмерный сбор телеметрических и поведенческих данных учащихся.

Схожая, но более централизованная модель наблюдается во Франции. Французское образовательное законодательство и подходы CNIL исходят из того, что цифровые сервисы, применяемые в школьном и университетском обучении, должны соответствовать повышенным требованиям к защите персональных данных несовершеннолетних и к прозрачности обработки информации [13]. Французская практика в целом демонстрирует стремление минимизировать зависимость публичной школы от платформ, чьи правила обработки данных формируются вне национальной юрисдикции. Для российского права этот опыт особенно важен, поскольку показывает: защита права на образование в цифровой среде невозможна без одновременной защиты цифрового суверенитета и четкого административного контроля над инфраструктурой, через которую осуществляется обучение.

Российская специфика усугубляется федеративным устройством государства. Формально единое конституционное право на образование реализуется в субъектах Федерации при существенно различающихся финансовых, кадровых и технических возможностях. Отсюда возникает ключевая проблема: насколько допустим разный фактический объем цифровых гарантий при сохранении единого федерального стандарта права. По нашему мнению, здесь недопустимо ограничиваться рамочной регламентацией. Именно федеральный законодатель обязан определить минимальный не снижаемый стандарт цифровой доступности, тогда как субъекты Федерации могут лишь улучшать его за счет собственных ресурсов, но не опускаться ниже базового уровня.

Опираясь на изложенное, представляется необходимым системное совершенствование российского законодательства. Во-первых, Закон «Об образовании в Российской Федерации» следует дополнить нормами о «цифровом образовательном стандарте», который будет включать не только требования к контенту, но и минимальные аппаратные и сетевые требования, обеспеченные гарантиями государственного субсидирования для нуждающихся категорий граждан. Во-вторых, необходимо закрепить прямой запрет на алгоритмическую дискриминацию в образовании и обязательное наличие альтернативных (офлайн или гибридных) форм освоения программ в случае невозможности получения качественного дистанционного доступа. В-третьих, законодательство о персональных данных требует введения специального режима «образовательных данных несовершеннолетних», устанавливающего презумпцию запрета на профилирование и передачу цифрового следа обучающихся третьим лицам без специального судебного или прокурорского решения.

Выводы

Проведенный в статье системный и сравнительно-правовой анализ реализации конституционного права на образование в условиях цифровой трансформации позволяет сформулировать следующие ключевые выводы.

Цифровая трансформация объективно видоизменила механизм обеспечения общедоступности и бесплатности образования в Российской Федерации. В современных условиях право на образование неотделимо от права на доступ к цифровой инфраструктуре, что порождает новую позитивную обязанность государства — гарантировать обеспечение минимально необходимыми техническими средствами и каналами связи лиц, объективно лишенных возможности приобрести их самостоятельно.

Массовый переход к дистанционным технологиям обострил проблему равенства доступа. Эмпирические данные подтверждают наличие выраженного цифрового неравенства между регионами, а также между различными социальными группами, что в отсутствие выравнивающих законодательных механизмов способно привести к сегрегации и нарушению базовых конституционных принципов социального государства.

Применение дистанционных технологий формирует существенные риски в сфере защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Безальтернативный характер согласия на обработку персональных данных частными платформами-агрегаторами образовательного контента, а также неконтролируемое накопление цифровых следов обучающихся вступают в конфликт с правовой природой образования как публичного блага.

Особую тревогу вызывает недостаточный уровень нормативного регулирования инклюзивной цифровой среды. Отсутствие обязательных жестких требований к доступности образовательных веб-ресурсов для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья девальвирует правозащитный потенциал цифровизации, превращая технологии в фактор дополнительного исключения инвалидов из полноценного учебного процесса.

Зарубежный опыт государств континентальной правовой семьи и практика ЕСПЧ доказывают жизнеспособность моделей, при которых технологическая оптимизация жестко ограничена конституционными рамками защиты приватности и информационного самоопределения. В связи с этим российскому законодателю надлежит выработать национальный стандарт цифрового обеспечения образовательного процесса, установив пределы платформизации и закрепив неотчуждаемое право граждан на выбор формата получения образовательной услуги без ущерба для ее качества.

Список литературы:

[1] Аламова С. М. Основные принципы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде // Юридическая наука. 2025. № 5. С. 139–143.

[2] Аламова С. М. Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 348–351.

[3] Конвенция о правах инвалидов от 13.12.2006 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 6. Ст. 468.

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.08.2026).

[5] Левкин И. В., Аламова С. М. Защита цифровых активов // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики. Материалы VII Национальной научно-практической конференции. Казань, 2023. С. 129–134.

[6] Майборода Э. Т., Черявко Е. Д. Цифровые следы в системе доказывания: проблемы классификации и процессуальной регламентации // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 284–288.

[7] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

[8] О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

[9] Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[10] Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. (с последующими изменениями) // Конституции государств Европы. Т. 1. М.: Норма, 2001.

[11] Чешин А. В. Экономико-правовые аспекты инновационной деятельности предприятий в условиях цифровой экономики // Инновационное развитие экономики России: вызовы и решения : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2023 года. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 426–433.

[12] Шакеров Р. Р. Право студентов с ограниченными возможностями на доступ к образованию // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 625–627.

[13] Code de l'éducation // Journal officiel de la République française (Официальный вестник Французской Республики), актуальная редакция 2023 года. // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000042919730 (дата обращения: 19.08.2026).

[14] General Comment No. 13: The Right to Education (Art. 13 of the Covenant) // Committee

on Economic, Social and Cultural Rights. E/C.12/1999/10. 1999.

[15] Guide on Article 2 of Protocol No. 1 to the European Convention on Human Rights (Right to education) // Council of Europe/European Court of Human Rights, 2022.

References:

[1] Alamova S. M. Basic Principles for the Protection of Intellectual Property Rights in the Digital Environment // Legal Science. 2025. No. 5. pp. 139–143.

[2] Alamova S. M. Legal Mechanisms for the Protection of Intellectual Property in the Context of Digitalization // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 9 (237). pp. 348–351.

[3] Convention on the Rights of Persons with Disabilities, dated December 13, 2006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 6. Art. 468.

[4] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru (accessed: August 19, 2026).

[5] Levkin I. V., Alamova S. M. Protection of Digital Assets // Main Trends in the Development of Modern Law: Issues of Theory and Practice. Proceedings of the VII National Scientific and Practical Conference. Kazan, 2023. pp. 129–134.

[6] Mayboroda E. T., Cheryavko E. D. Digital Traces in the Evidentiary System: Issues of Classification and Procedural Regulation // Legal Science. 2024. No. 7. pp. 284–288.

[7] International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, dated December 16, 1966 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. No. 12.

[8] On Personal Data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.

[9] On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7598.

[10] Basic Law for the Federal Republic of Germany of May 23, 1949 (as amended) // Constitutions of European States. Vol. 1. Moscow: Norma, 2001.

[11] Cheshin A. V. Economic and Legal Aspects of Innovative Activity of Enterprises in the Digital Economy // Innovative Development of Russia's Economy: Challenges and Solutions: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, April 20, 2023. Moscow: Russian State University of Justice, 2024. pp. 426–433.

[12] Shakerov R. R. The Right of Students with Disabilities to Access Education // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 3. pp. 625–627.

[13] Code de l'éducation (Education Code) // Journal officiel de la République française (Official Gazette of the French Republic), current version as of 2023 // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000042919730 (accessed: August 19, 2026). [14] General Comment No. 13: The Right to Education (Art. 13 of the Covenant) // Committee on Economic, Social and Cultural Rights. E/C.12/1999/10. 1999.

[15] Guide on Article 2 of Protocol No. 1 to the European Convention on Human Rights (Right to education) // Council of Europe/European Court of Human Rights, 2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-25-34
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
https://ludmilagru.academia.edu/research,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ПРОТОКОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье предложена методологическая модель исследования протоконституционных актов Российской империи как особой группы источников публичного права, расположенных между доктринальными проектами, актами текущего управления и полноценной писаной конституцией. Обосновывается, что протоконституционность не может сводиться к наличию в документе отдельных либеральных формул или упоминанию прав подданных. Ее юридическое содержание раскрывается через совокупность признаков: претензию акта на повышенную нормативность, регулирование верховной власти и порядка законотворчества, институционализацию представительства или совещательного участия общества, закрепление гарантий правового статуса сословий либо подданных, а также создание процедурных ограничений административного произвола.

Ключевые слова: протоконституционализм, Российская империя, самодержавие, правовое государство, сословные права, государственное управление, представительство, конституционализаци.

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky,
Chairperson of the Moscow City Bar Association «Norma Prava»,
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

PROTOCONSTITUTIONAL ACTS OF THE RUSSIAN EMPIRE: IDENTIFICATION CRITERIA AND METHODOLOGY OF HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

Annotation. The article proposes a methodological model for the study of proto-constitutional acts of the Russian Empire as a special group of sources of public law located between doctrinal projects, acts of current governance and a full-fledged written constitution. It is justified that protoconstitutionality cannot be reduced to the presence of separate liberal formulas in the document or the mention of the rights of subjects. Its legal content is disclosed through a set of signs: the claim of the act to increased regularity, regulation of the supreme power and the order of lawmaking, institutionalization of representation or deliberative participation of society, consolidation of guarantees of the legal status of estates or subjects, as well as the creation of procedural restrictions on administrative arbitrariness.

Key words: proto-constitutionalism, Russian Empire, autocracy, the rule of law, class rights, public administration, representation, constitutionalization.

Проблема протоконституционных актов Российской империи занимает пограничное место между историей государства и права, конституционным правом, источниковедением и историей политико-правовых учений. Трудность состоит в том, что российская государственность XVIII - начала XX вв. долгое время развивалась без единой писаной конституции в современном смысле, но при этом постоянно производила юридические формы, функционально приближав-

шиеся к конституционным: акты об организации верховной власти, проекты ограничения монарха, сословные хартии, учреждения представительных и судебных органов, нормы о порядке издания законов. Поэтому прямой вопрос: «когда появилась российская конституция?» методологически менее продуктивен, чем вопрос о том, какими юридическими средствами в имперском правопорядке постепенно формировалась конституционная материя [14; 24].

В дореволюционной и современной литературе исходная проблема нередко решалась бинарно: либо Российская империя до 1906 г. признавалась неконституционной монархией, либо отдельные документы задним числом объявлялись «первыми конституциями» России. Оба подхода упрощают историко-правовую реальность. Первый подход игнорирует длительный процесс институционального усложнения самодержавия, а второй переносит на XVIII-XIX вв. понятия зрелого конституционного государства, сложившиеся в иной социальной и политической среде. Научно более точной представляется промежуточная категория протоконституционного акта: она позволяет описывать не готовую конституцию, а юридические конструкции, создававшие предпосылки конституционного ограничения власти [15; 16; 25].

Для современной конституционно-правовой науки важно понимать, что российская традиция конституционализма не возникает внезапно в 1905-1906 гг. и не исчерпывается советским или постсоветским периодом. Она имеет сложную имперскую предысторию, в которой сосуществовали рационализация управления, сословная привилегия, кодификация, бюрократическое саморегулирование, локальное самоуправление и осторожные попытки представительства. Именно эта неоднородность и требует методологической дисциплины: исследователь должен отличать собственно конституционные признаки от внешне похожих, но юридически иных феноменов [37; 38; 39].

Под протоконституционным актом в настоящей статье предлагается понимать источник права или официальный государственно-правовой проект, который не является конституцией в строгом современном смысле, но регулирует вопросы, относящиеся к ядру конституционной материи: организацию верховной власти, пределы осуществления публичной власти, статус подданных, порядок законотворчества, устройство представительных или судебных институтов, гарантии правового порядка. Такое определение принципиально отличается от расширительного употребления термина «конституция» применительно ко всякому важному политико-правовому документу [3; 4].

Важнейший признак протоконституционного акта состоит не в его либеральности и не в демократичности, а в его институциональной функции. Документ может закреплять сословные привилегии, сохранять монархический суверенитет, не провозглашать народного представительства и тем не менее иметь протоконституционное значение, если он юридически структурирует власть, вводит более устойчивые правила ее осуществления или формирует правовые гарантии от произвольного вмешательства. В этом смысле Жалованная грамота дворянству 1785 г. не была общегражданской декларацией прав, но фиксировала устойчивый правовой статус сословия и ограничивала административное усмотрение по отношению к нему [1].

Предлагаемое понятие требует разграничения трех уровней анализа. Первый уровень - нормативно-действующий: акты, реально включенные в правопорядок и применявшиеся органами власти. Второй уровень - официально-проектный: документы, подготовленные по воле монарха или в системе государственного управления, но не введенные в действие. Третий уровень - доктринально-политический: сочинения, программы и проекты общественных движений, не обладавшие статусом официального источника права. Все три уровня значимы для истории конституционализма, однако их нельзя механически смешивать.

Так, «Кондиции» 1730 г. имеют особый статус: они были подписаны Анной Иоанновной, но вскоре отвергнуты и потому не стали устойчивой частью действующего правопорядка [9]. «Введение к Уложению государственных законов» М.М. Сперанского 1809 г. представляло собой официальный план преобразования, но не закон [11]. Государственная уставная грамота Н.Н. Новосильцева была подготовлена как проект общегосударственного конституционного акта, однако не была промульгирована [10]. Напротив, Основные государственные законы 1906 г. были действующим законом и образовали реальную правовую рамку ограниченной дуалистической монархии, хотя сохраняли сильнейшие элементы самодержавного начала [5; 27; 35].

Следовательно, протоконституционность является не формальной этикеткой, а аналитической характеристикой. Она выявляется через сочетание юридической формы, предмета регулирования, институциональной функции и места документа в эволюции публичного права. Такой подход позволяет не подменять правовую историю политической публицистикой и одновременно не сводить историю конституционализма к дате принятия единственного акта.

Российская империя представляет особый случай. Здесь конституционализация развивалась в рамках самодержавной парадигмы, где верховная власть мыслилась как юридически нераздельная и персонально сосредоточенная в монархе. Вместе с тем самодержавие нуждалось в кодификации, управленческой рациональности, финансовой дисциплине, судах, местной администрации, сословном представительстве и экспертно-законодательных органах. Иными

словами, даже не отказываясь от идеи верховного самодержавия, имперская власть вынуждена была производить юридические формы, которые объективно ограничивали произвол и создавали устойчивые процедуры [21; 30].

В российской имперской истории документы часто имеют сходный язык: «грамота», «наказ», «манифест», «учреждение», «положение», «устав», «основные законы», «проект». Однако юридическая сила этих форм существенно различалась. Манифест мог быть актом высшей политической воли; положение - развернутым нормативным регламентом; учреждение - актом об организации органа власти; устав - процессуальным или материальным законом; проект - текстом, не приобретшим обязательной силы.

Для целей настоящего исследования необходимо различать минимум четыре группы источников. Первая группа - действующие нормативные акты, включенные в систему законодательства: Жалованные грамоты 1785 г., Судебные уставы 1864 г., Положение о земских учреждениях 1864 г., Манифест 17 октября 1905 г., Основные государственные законы 1906 г. Вторая группа - акты временного или спорного действия, правовая судьба которых прервалась: прежде всего «Кондиции» 1730 г. Третья группа - официальные проекты государственного преобразования: планы Сперанского и Новосильцева. Четвертая группа - доктринальные и общественно-политические тексты, включая работы дореволюционных государствоведов, которые позволяют понять понятийный аппарат эпохи, но не должны смешиваться с источниками права [15; 16; 19].

Особую сложность создают документы, формально не являвшиеся конституционными, но изменявшие структуру публичной власти. Например, Учреждение Государственного совета 1810 г. не провозглашало ограничение самодержавия, однако создавало постоянный орган законодательного обсуждения и тем самым переводило часть законодательной подготовки в более процедурную форму [12]. Судебные уставы 1864 г. также не были конституцией, но содержали институты, без которых конституционное государство невозможно: независимый суд, гласность, состязательность, адвокатуру, суд присяжных [7].

В источниковедческом плане необходимо учитывать не только текст, но и режим его действия. Один и тот же документ может иметь различную историко-правовую роль в зависимости от того, был ли он опубликован, применялся ли на всей территории империи, имел ли механизм реализации, мог ли служить основанием для притязаний подданных, изменял ли компетенцию органов власти. Например, нормы о правах дворянства имели реальное значение именно потому, что они были закреплены в форме жалованной грамоты и встроены в сословно-административную систему [1].

Следовательно, методология исследования должна соединять текстуальный и институциональный анализ. Текст показывает нормативное содержание, но институты показывают, стало ли это содержание элементом правового порядка. Без такого соединения возникает риск принять декларацию за право или, наоборот, недооценить юридическое значение формально «технических» учреждений [5]. Для практического применения категории протоконституционного акта необходима система критериев. Предлагаемые ниже критерии не являются исчерпывающими, однако позволяют провести первичную юридическую квалификацию источников имперского публичного права (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Система критериев протоконституционных актов.

Критерий	Юридическое содержание	Индикаторы в источнике
Повышенная нормативность	акт претендует на регулирование основ государственного порядка, а не отдельного административного случая	формулы «основные законы», «грамота», «права и преимущества», устойчивый порядок изменения
Компетенционное ограничение власти	устанавливаются пределы, процедуры или условия осуществления верховной и административной власти	запреты на произвольное наказание, порядок законотворчества, участие органов в принятии решений
Институционализация участия	создаются органы представительного, сословного, совещательного или самоуправленческого характера	думы, земства, Государственный совет, Государственная дума, собрания сословий
Гарантии правового статуса	закрепляется устойчивое правовое положение лиц, сословий, обществ или территорий	права, вольности, неприкосновенность собственности, судебные гарантии
Процедурность публичной власти	власть переводится из режима личного усмотрения в режим юридически описанной процедуры	процессуальные уставы, гласность, состязательность, судебная независимость, бюджетные процедуры

Итак, первый критерий - повышенная нормативность. Протоконституционный акт должен выходить за пределы обычного административного распоряжения и затрагивать основы правового порядка. Это не обязательно означает формальное верховенство в иерархии источников, поскольку сама иерархия в имперском праве была устроена иначе, чем в современном конституционном государстве. Но акт должен содержательно претендовать на установление устойчивых правил публичной власти. С этой точки зрения Свод основных государственных законов 1832 г. имел протоконституционное значение уже потому, что выделил основы государственного строя в особый нормативный массив [12].

Второй критерий - компетенционное ограничение власти. Если документ определяет, что тот или иной орган действует в пределах установленной компетенции, что закон должен проходить через определенную процедуру, что суд не может подменяться администрацией, он создает юридическое ограничение публичной власти. Даже когда верховная власть сохраняется за монархом, наличие компетенционных формул меняет правовую технику управления.

Третий критерий - институционализация участия общества или его частей в публичном управлении. В Российской империи это участие долго оставалось сословным, имущественным, совещательным или локальным. Однако земства, городские думы, дворянские собрания, Государственная дума и преобразованный Государственный совет выражали разные формы включения общества в публично-правовой процесс. Они не всегда были демократическими, но юридически разрушали абсолютную монополию бюрократического центра на производство управленческих решений [2; 6; 36].

Четвертый критерий - гарантии правового статуса. Для конституционной истории России принципиально важно, что первые устойчивые гарантии возникали не как универсальные права человека, а как сословные права и привилегии. Такая генеалогия не отменяет их протоконституционного значения. Напротив, она показывает специфический путь: от корпоративных гарантий к идее общегражданского правового статуса. Поэтому Грамоты 1785 г. необходимо анализировать не как неполноценные декларации прав, а как сословно-правовую форму ранней юридизации публичного статуса [1; 2].

Пятый критерий - процедурность публичной власти. Конституционализм не исчерпывается перечнем прав; он предполагает, что власть действует через публичные, проверяемые и относительно устойчивые процедуры. Судебная реформа 1864 г. была протоконституционной именно потому, что вводила процедурные гарантии: открытость судебного заседания, состязательное начало, участие присяжных, отделение суда от администрации, профессиональную адвокатуру [7].

Указанные критерии должны применяться совокупно. Наличие одного признака не превращает всякий акт в протоконституционный. Например, административное положение может быть процедурным, но не касаться основ власти; сословный акт может закреплять привилегии, но не создавать значимого ограничения публичной власти. Только сочетание предмета, формы и институционального эффекта позволяет говорить о протоконституционном качестве источника.

«Кондиции», подписанные Анной Иоанновной в 1730 г., традиционно рассматриваются как один из ранних эпизодов ограничения самодержавной власти в России [9; 26]. Их протоконституционное значение состоит не в демократическом содержании: документ выражал прежде всего интересы верхушки аристократии и Верховного тайного совета. Однако он впервые в имперскую эпоху поставил вопрос о юридическом ограничении монарха в форме условий вступления на престол.

Содержательно «Кондиции» ограничивали самостоятельность императрицы в ключевых сферах: объявление войны и заключение мира, введение налогов, распоряжение значительными государственными должностями, пожалование вотчин, заключение брака, назначение наследника. В логике современного конституционного права такие положения относятся к пределам верховной власти и компетенционному распределению государственных функций. В логике 1730 г. они означали попытку заменить персональное самодержавие олигархическим контролем высшего совета.

Важно понимать, что «Кондиции» не создавали народного представительства, не устанавливали систему прав подданных, не закрепляли разделение властей и не предполагали публичного механизма ответственности. Более того, их политический замысел не был направлен на построение правового государства в позднейшем смысле. Тем не менее они демонстрируют принципиальную возможность юридического договора о пределах монархической власти. Именно эта возможность делает документ протоконституционным.

Историко-правовой анализ «Кондиций» требует также учета их кратковременности. Поскольку Анна Иоанновна вскоре публично разорвала документ, он не стал устойчивым источником действующего права. Поэтому его следует относить не к действующим протоконституционным актам, а к актам прерванной протоконституционности. Его значение заключается в том, что он выявил проблему: самодержавие может быть поставлено перед требованием юридического самоограничения, но социально-политическая база такого ограничения в 1730 г. была крайне узкой. Таким образом, «Кондиции» показывают первую методологическую ловушку: нельзя отождествлять ограничение монарха с конституционализмом в полном объеме. Ограничение может быть корпоративным, олигархическим и непубличным. Но и

игнорировать его нельзя, поскольку именно через такие неполные формы в правовой культуре возникает вопрос о верховной власти как юридически ограничиваемой.

Вторая крупная группа протоконституционных источников связана с эпохой Екатерины II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г. был не законом в полном смысле, а программным актом законодательной политики, адресованным кодификационной комиссии [8]. Он содержал идеи законности, умеренности наказания, связи законов с устройством государства, критики произвола, понимания суда как необходимой формы защиты. Его значение состоит в переносе языка европейского Просвещения в официальный дискурс российской власти.

Наказ не ограничивал самодержавие институционально. Напротив, он исходил из сохранения монархической формы и просвещенного характера верховной власти. Поэтому его нельзя квалифицировать как конституционный акт. Однако методологически он важен как источник формирования конституционного языка: закон, безопасность, свобода, соразмерность наказания, публичная польза, устройство государства. Для историко-правовой науки это пример того, как доктринальные идеи входят в официальную нормативную риторику, не меняя немедленно политическую форму государства. Более выраженное протоконституционное значение имели Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. Грамота дворянству закрепляла личные и имущественные гарантии дворянского сословия, подтверждала освобождение от обязательной службы, налоговые и судебные преимущества, право корпоративной организации. Грамота городам регламентировала статус городского общества, разряды городских обывателей и основы городского самоуправления [1; 2].

С современной точки зрения сословная ограниченность этих актов очевидна. Они не устанавливали равенства, не признавали универсальных прав личности, не охватывали крестьянскую массу и не формировали национальное представительство. Однако именно поэтому они должны рассматриваться не как «неудачные конституции», а как сословные хартии правового статуса. Их протоконституционность проявляется в том, что власть признала устойчивые права корпораций и связала себя публично объявленными нормами.

Важен, на наш взгляд, и другой аспект. Жалованные грамоты создали юридическую форму коллективного участия: дворянские собрания, городские общества, выборные должности и корпоративные процедуры. Это была не демократия, а сословное самоуправление. Но в правовой истории оно выполняло подготовительную функцию: учило общество действовать в пределах формализованной процедуры, выбирать представителей, составлять коллективные решения, обращаться к власти от имени корпорации.

Методологический вывод состоит в необходимости анализировать ранний российский протоконституционализм через категорию статуса, а не только через категорию власти. В западноевропейской традиции конституционное развитие часто описывается как ограничение монарха представительством. В России XVIII в. более заметным оказался иной путь: юридизация сословных статусов, возникновение корпоративных гарантий и частичная защита от административного усмотрения. Этот путь был социально неравным, но правовой по своей форме.

Начало XIX в. связано с переходом от сословно-хартийной логики к проектам системного государственного преобразования. Центральное место здесь занимает М.М. Сперанский. Его «Введение к Уложению государственных законов» 1809 г. предлагало рационализировать государственный механизм, развести законодательные, исполнительные и судебные функции, создать иерархию представительных учреждений, связать власть законом и процедурой [11; 34]. М.М. Сперанский не предлагал революционного уничтожения монархии. Напротив, его проект исходил из сохранения верховной власти императора, но стремился окружить ее системой учреждений и процедур. Именно в этом состояла сущность проектной конституционализации самодержавия: власть не отказывается от верховенства, но должна действовать через юридически оформленные каналы. В таком подходе заметна попытка соединить российскую монархическую традицию с европейским рационализмом публичного права.

Учреждение Государственного совета 1810 г. стало частичной реализацией этой программы. Государственный совет был создан как высший законосовещательный орган, через который должны были проходить законопроекты. Хотя его решения не связывали императора в современном смысле, сама процедура предварительного обсуждения законов имела протоконституционное значение [12]. Она отделяла законодательную подготовку от произвольного волеизъявления отдельного чиновника и вводила элемент институциональной экспертизы.

Государственная уставная грамота Российской империи, подготовленная под руководством Н.Н. Новосильцева, представляла собой еще более явный пример официального конституционного проекта [10]. В ней содержались положения о государственном устройстве, правах подданных, представительном сейме, местных сеймах, судебных гарантиях. По форме и содержанию она приближалась к европейским хартиям начала XIX в., но не была введена в действие. Ее методологический статус - не действующий протоконституционный акт, а официальный проект высокой степени конституционной зрелости.

Проекты М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева демонстрируют, что российский конституци-

онализм не был исключительно оппозиционным явлением. Значительная часть конституционной материи вырабатывалась внутри самой бюрократической и монархической системы. Это принципиально важно: конституционное развитие Российской империи нельзя описывать только как борьбу общества против государства. Оно включало и внутренние государственные попытки рационализации верховной власти.

Вместе с тем, проектная конституционализация имела слабое место: она зависела от монаршей воли и не имела самостоятельного социального носителя. Пока конституционный проект оставался административно подготовленным планом, он мог быть остановлен политическим решением без юридического кризиса. В этом заключается отличие проекта от действующего протоконституционного акта: проект выражает возможную траекторию права, но не создает обязательного правового режима.

Свод законов Российской империи 1832 г. и особенно его первая часть, посвященная Основным государственным законам, имеют двойственную природу [12]. С одной стороны, они кодифицировали самодержавный принцип и тем самым закрепили неконституционный характер верховной власти. С другой стороны, само выделение «основных» законов и систематизация норм о государственном устройстве создали юридический корпус, близкий по предмету к конституционному праву. Этот феномен можно обозначить как отрицательную протоконституционность. Акт не ограничивает самодержавие в либеральном смысле, но формирует нормативную оболочку основ государственного строя. Он отвечает на вопросы, которые обычно регулируются конституцией: кто является верховным носителем власти, каков порядок престолонаследия, каково устройство центральных органов, каким образом соотносится закон и верховная воля. Тем самым он не вводит конституционализм, но создает объект конституционно-правового анализа.

Для методологии исследования это особенно важно. Если считать протоконституционными только акты, которые расширяют права или представительство, то Свод 1832 г. выпадет из поля зрения. Но если понимать конституционную материю шире - как правовое оформление основ власти, - то Свод должен быть включен в исследование. Он показывает, что имперское государство нуждалось в правовом самоописании даже тогда, когда это самоописание утверждало неограниченность монарха. Парадокс заключается в том, что кодификация самодержавия одновременно укрепляла власть и юридизировала ее форму. Чем более определенно власть описывает себя в законе, тем больше она создает материал для толкования, сопоставления, критики и требований последовательности. Поэтому историко-правовое значение Свода нельзя сводить к реакции николаевского периода. Он стал базой для последующего дореволюционного государственного права, на которой работали юристы, пытавшиеся осмыслить границы власти, закон, подданство и компетенцию учреждений [15; 17; 19]. Именно в этот период формируется важное для последующей науки различие между государственным правом как описанием имперских институтов и конституционным правом как доктриной ограничения власти. Российская юридическая мысль постепенно начинала видеть, что «основные законы» могут быть не только выражением верховной власти, но и юридической формой ее ограничения.

Великие реформы Александра II существенно изменили структуру российского публичного права. Их протоконституционное значение проявилось не в принятии единой конституции, а в создании институтов, без которых конституционный порядок практически невозможен. В первую очередь речь идет о судебной реформе 1864 г. и земской реформе 1864 г. [6; 7; 28].

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. ввели принципы, которые имели фундаментальное значение для правовой государственности: отделение суда от администрации, несменяемость судей, гласность процесса, устность, состязательность, участие присяжных заседателей, институт адвокатуры. Эти начала не отменяли самодержавия, но создавали автономное пространство права, в котором спор должен был разрешаться не административным приказом, а процессуальной формой [7].

Протоконституционность судебной реформы заключается в том, что она переводила идею законности из сферы декларации в сферу процедуры. Право становилось не только волей государства, но и формой, в которой государство обязано действовать. Судебная публичность создавала контроль общества; адвокатура формировала профессиональную защиту; присяжные вводили элемент общественного участия; кассация и процессуальные уставы создавали стандарты проверки судебных решений.

Земская реформа имела иной, но не менее важный эффект. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. создавало выборные органы местного хозяйственного самоуправления, компетентные в вопросах дорог, школ, медицины, статистики, местных сборов и хозяйственных нужд [6]. Земства не были политическим парламентом, их компетенция была ограничена, а избирательная система имела сословно-имущественный характер. Но они формировали устойчивую практику публичного обсуждения, выборности, отчетности и местной ответственности.

Городовое положение 1870 г. продолжило эту линию, расширив институты городского самоуправления. В совокупности земские и городские учреждения создали социальный слой людей, привыкших к публичной деятельности, сметам, отчетам, выборам, комиссиям, ходатайствам. Это обстоятельство имело огромное значение для со-

бытий 1905-1906 гг., поскольку представительные практики не возникли на пустом месте.

Методологически реформы 1860-х гг. показывают, что конституционное развитие может идти не через верховный акт, а через отраслевые институты. Судебные уставы - процессуальный источник; земское положение - акт местного управления; городовое положение - муниципальный закон. Однако их совокупный эффект был конституционным, поскольку они ограничивали административный произвол, создавали публичные процедуры и институционализировали общественное участие.

Рубеж 1905-1906 гг. является моментом, когда протоконституционное развитие Российской империи перешло в режим формального монархического конституционализма. Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» провозглашал гражданские свободы и принцип участия Государственной думы в законодательстве [4]. Уже сам язык документа отличался от предшествующих актов: речь шла не только о совершенствовании управления, но о предоставлении населению основ гражданской свободы и о том, чтобы никакой закон не мог получить силу без одобрения Государственной думы.

Однако Манифест 17 октября был политико-правовой декларацией переходного периода. Его нормы требовали институционального закрепления. Такую функцию выполнили Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. Они закрепили единство и нераздельность государства, статус императора, порядок законодательства, структуру Государственного совета и Государственной думы, основные права и обязанности российских подданных [5].

Вопрос о том, являются ли Основные законы 1906 г. первой российской конституцией, остается на протяжении многих лет дискуссионным. С формальной точки зрения они не были приняты народом или учредительным собранием, были октроированы монархом и сохраняли сильные прерогативы императора. С содержательной точки зрения они включали ключевые элементы конституционной материи: особый раздел об основных законах, законодательные палаты, нормы о правах подданных, процедуру закона, ограничения нормотворчества без участия Думы. Поэтому корректнее говорить о дуалистической монархической конституции с мощным сохранением самодержавного начала [27; 35; 36].

Для темы настоящей статьи особенно важно, что 1906 г. не отменяет значение предшествующей протоконституционной истории. Напротив, он становится понятным только на ее фоне. Представительство Государственной думы опиралось на опыт земств и городов; юридический язык прав был подготовлен сословными хартиями и судебной реформой; идея основных законов была институционально закреплена еще в Своде; законосовещательная техника развивалась через Государственный совет; проекты М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева создали интеллектуальную матрицу ограничения самодержавия.

В то же время Основные законы 1906 г. демонстрируют пределы имперской конституционализации. Император сохранял верховную самодержавную власть в значительной части формулировок, обладал широкой компетенцией в сфере исполнительной власти, внешней политики, армии, назначения правительства, чрезвычайного нормотворчества. Статья 87 Основных законов позволяла издавать временные законы в период прекращения занятий Государственной думы, что создавало канал обхода парламентского участия [5, ст. 87].

Следовательно, переход 1905-1906 гг. был не простой победой конституционализма, а компромиссом между революционным давлением, бюрократической адаптацией и сохранением монархического суверенитета. Методологически это требует отказа от однозначных формул. Основные законы 1906 г. были и конституционным актом, и механизмом сохранения самодержавной вертикали. Их историко-правовая природа состоит именно в этой двойственности.

Проведенный анализ позволяет предложить типологию протоконституционных актов Российской империи. Первый тип - акты аристократического ограничения верховной власти. К нему относятся «Кондиции» 1730 г. Их особенность состоит в попытке договорного ограничения монарха в пользу узкой элиты. Это протоконституционность без публичности и без общегражданского измерения.

Второй тип - сословные хартии и акты корпоративного статуса. Наиболее показательны Жалованные грамоты 1785 г. Они закрепляли не универсальные права человека, а правовое положение сословий и городских корпораций. Их значение заключается в юридизации статуса и формировании устойчивых гарантий против произвольной административной практики [1; 2].

Третий тип - программные и проектные акты государственной реформы. Сюда относятся Наказ Екатерины II, проекты Сперанского, Государственная уставная грамота Новосильцева. Они не всегда имели юридическую силу, но формировали язык, доктрину и институциональную модель будущего конституционного порядка [8; 10; 11].

Четвертый тип - кодификационные акты основ государственного строя. Свод основных государственных законов 1832 г. закреплял самодержавную модель, но выделял основы государственного порядка в особый предмет регулирования. Это тип отрицательной или формально-структурной протоконституционности [12].

Пятый тип - институционально-процедурные акты реформ. Судебные уставы, земские и городские положения не являлись конституцией, но вводили процедуры правосудия, самоуправления,

публичности и выборности. Их протоконституционность наиболее практична: они меняли повседневную юридическую ткань империи [6; 7].

Шестой тип - переходные акты монархического конституционализма. Манифест 17 октября 1905 г., акты о Государственной думе и Основные государственные законы 1906 г. уже выходят за рамки протоконституционности и образуют собственно конституционную форму, хотя и октроированную, дуалистическую, неполную [3; 4; 5].

Эта типология имеет методологическое значение. Она показывает, что российская имперская конституционная история не сводится к одной линии «проект - отказ - революция - конституция». Она состоит из разных правовых режимов: сословного, бюрократического, кодификационного, судебного, самоуправленческого, представительного. Каждый из них создавал свой элемент будущей конституционной материи.

Протоконституционные акты Российской империи рассматриваются не как разрозненные исторические курьезы и не как «недоконституции», а как самостоятельные юридические формы, выполнявшие разные функции в процессе конституционализации. Такой подход позволяет преодолеть разрыв между историей государственного управления и историей конституционного права. История протоконституционных актов Российской империи показывает, что конституционное развитие России не может быть сведено к простой схеме отсутствия конституции до 1906 г. В имперском праве существовали многочисленные источники, которые регулировали конституционную материю: пределы верховной власти, правовой статус сословий и подданных, устройство органов, судебные гарантии, местное самоуправление, порядок законотворчества. Эти источники были неоднородны, непоследовательны и часто противоречивы, но именно они формировали юридическую предысторию российского конституционализма.

Протоконституционный акт следует понимать как источник или официальный проект, который не является конституцией в строгом смысле, но создает элементы конституционного порядка. Критериями такой квалификации выступают повышенная нормативность, компетенционное ограничение власти, институционализация участия, гарантии правового статуса и процедурность публичной власти. Совокупное применение этих критериев позволяет различать действующие акты, прерванные акты, проекты и доктринальные тексты.

Также отметим, что протоконституционные акты нельзя оценивать только по степени их соответствия современным демократическим стандартам. Их следует исследовать как исторически конкретные формы юридизации власти. Такой подход не снимает критики сословности, неполноты прав и сохранения самодержавных механизмов, но позволяет увидеть реальную правовую динамику: от привилегии к статусу, от совещания к представительству, от административного усмотрения к процедуре, от кодификации власти к вопросу о ее ограничении.

Список литературы:

[1] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. 21 апреля 1785 г. // Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юридическая литература, 1987.

[2] Грамота на права и выгоды городам Российской империи. 21 апреля 1785 г. // Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юридическая литература, 1987.

[3] Манифест об учреждении Государственной думы. 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1905.

[4] Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1905.

[5] Основные государственные законы Российской империи. 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1906.

[6] Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1 января 1864 г. // Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М. : Юридическая литература, 1989.

[7] Судебные уставы 20 ноября 1864 года. СПб. : Сенатская типография, 1864.

[8] Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 г. // Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юридическая литература, 1987.

[9] «Кондиции», подписанные Анной Иоанновной в 1730 г. // Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней : сборник документов. М. : Изд-во МГУ, 1996.

[10] Государственная уставная грамота Российской империи / проект Н.Н. Новосильцева. 1818-1820 гг. // Российский архив. М. : Студия ТРИТЭ, 1996.

[11] Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов. План всеобщего государственного преобразования. 1809 г. // Сперанский М.М. Проекты и записки. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 359 с.

[12] Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. I. Основные государственные законы. СПб. : Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1832.

[13] Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М. : РЮИД ; Сашко, 2000. 528 с.

[14] Алексеев А.С. Русское государственное право. М. : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1897. 583 с.

[15] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. 6-е изд. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1909. 402 с.

[16] Котляревский С.А. Конституционное государство. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1907. 386 с.

[17] Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М. : Типография Грачева и К°, 1866. 552 с.

[18] Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. 704 с.

[19] Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права. М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1908. 155 с.

[20] Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1911. 163 с.

[21] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд. М. : Высшая школа, 1983. 352 с.

[22] Томсинов В.А. Сперанский. М. : Молодая гвардия, 2006. 383 с.

[23] Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII-XX веков: очерки жизни и творчества. М. : Зерцало-М, 2007. 468 с.

[24] Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. : Российская политическая энциклопедия, 1998. 650 с.

[25] Шульженко Ю.Л. Российский конституционализм: история и современность // Труды Института государства и права РАН. 2010. № 3. С. 41-71.

[26] Пронкин С.В. Политические намерения Верховного тайного совета в 1730 г. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2011. № 3. С. 95-116.

[27] Дубенцов Б.Б. Основные законы Российской империи 1906 г. как трансфер западного конституционализма: оценки тренда тогда и теперь // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 152-171.

[28] Тимофеев М.С. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. как правовая основа проведения земской реформы в России // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 3. С. 138-142.

[29] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 588 с.

[30] Ремнев А.В. Самодержавное правительство: комитет министров в системе высшего управления Российской империи. Вторая половина XIX - начало XX века. М. : РОССПЭН, 2010. 511 с.

[31] Wortman R.S. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago : University of Chicago Press, 1976. 345 p.

[32] Pipes R. Russia under the Old Regime. New York : Charles Scribner's Sons, 1974. 361 p.

[33] Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. New Haven : Yale University Press, 1983. 328 p.

[34] Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772-1839. The Hague : Martinus Nijhoff, 1957. 356 p.

[35] Меликовский А.А. Конституционная природа Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. // Эпомен. 2020. № 43. С. 156-166.

[36] Шульженко Ю.Л. Основные государственные законы 1906 г. - начало реального практического конституционализма в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 3. С. 24-33.

[37] Сырых В.М. История и методология юридической науки. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2012. 464 с.

[38] Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2011. 521 с.

[39] Методология историко-правовых исследований / отв. ред. В.Е. Гулиев. М. : Институт государства и права АН СССР, 1980. 184 с.

[40] Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. 5-е изд. М. : Юрайт, 2020. 521 с.

References:

[1] Charter to the Gentry: On the Rights, Freedoms, and Privileges of the Noble Russian Nobility. April 21, 1785 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols. Vol. 5: Legislation of the Period of the Flourishing of Absolutism. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1987.

[2] Charter to the Towns: On the Rights and Benefits of the Towns of the Russian Empire. April 21, 1785 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols. Vol. 5: Legislation of the Period of the Flourishing of Absolutism. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1987.

[3] Manifesto on the Establishment of the State Duma. August 6, 1905 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Series. St. Petersburg, 1905.

[4] Manifesto «On the Improvement of the State Order.» October 17, 1905 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Series. St. Petersburg, 1905.

[5] Fundamental State Laws of the Russian Empire. April 23, 1906 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Series. St. Petersburg, 1906.

[6] Regulation on Provincial and District Zemstvo Institutions. January 1, 1864 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols. Vol. 7: Documents

of the Peasant Reform. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1989.

[7] Judicial Statutes of November 20, 1864. St. Petersburg: Senate Printing House, 1864.

[8] Instruction (Nakaz) of Catherine II to the Commission for Drafting a New Legal Code (Ulozheniye). 1767 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols. Vol. 5: Legislation of the Period of the Flourishing of Absolutism. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1987.

[9] «Conditions» (Konditsii) signed by Anna Ioannovna in 1730 // The Russian State: Power and Society. From Ancient Times to the Present Day: A Collection of Documents. Moscow: Moscow State University Press, 1996.

[10] State Charter of the Russian Empire / Draft by N. N. Novosiltsev, 1818–1820 // Russian Archive. Moscow: Studio TRITE, 1996.

[11] Speransky, M. M. Introduction to the Code of State Laws. Plan for a General State Transformation, 1809 // Speransky, M. M. Drafts and Memoranda. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 359 p.

[12] Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. I, Part I: Fundamental State Laws. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1832.

[13] Avakyan, S. A. The Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity. 2nd ed. Moscow: RYUID; Sashko, 2000. 528 p.

[14] Alekseev, A. S. Russian State Law. Moscow: Printing House of G. Lissner and D. Sobko, 1897. 583 p.

[15] Korkunov, N. M. Russian State Law. Vol. 1. Introduction and General Part. 6th ed. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House, 1909. 402 p.

[16] Kotlyarevsky S. A. The Constitutional State. St. Petersburg: «Obshchestvennaya Polza» [Public Benefit] Partnership Printing House, 1907. 386 p.

[17] Chicherin B. N. On Popular Representation. Moscow: Grachev & Co. Printing House, 1866. 552 p.

[18] Kistyakovsky B. A. Social Sciences and Law: Essays on the Methodology of Social Sciences and the General Theory of Law. Moscow: M. and S. Sabashnikov Publishers, 1916. 704 p.

[19] Kokoshkin F. F. Russian Constitutional Law in Connection with the Fundamental Principles of General Constitutional Law. Moscow: Bashmakov Brothers Publishers, 1908. 155 p.

[20] Shershenevich G. F. General Doctrine of Law and the State. Moscow: Bashmakov Brothers Publishers, 1911. 163 p.

[21] Eroshkin N.P. History of State Institutions in Pre-Revolutionary Russia. 5th ed. Moscow: Vysshaya Shkola, 1983. 352 p.

[22] Tomsinov V.A. Speransky. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2006. 383 p.

[23] Tomsinov V.A. Russian Legal Scholars of the 18th–20th Centuries: Essays on Their Lives and Work. Moscow: Zertsalo-M, 2007. 468 p.

[24] Medushevsky A.N. Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in a Comparative Perspective. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 1998. 650 p.

[25] Shulzhenko Yu.L. Russian Constitutionalism: History and Modernity // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2010. No. 3. pp. 41–71.

[26] Pronkin S.V. Political Intentions of the Supreme Privy Council in 1730 // Moscow University Bulletin. Series 21. Administration (State and Society). 2011. No. 3. pp. 95–116.

[27] Dubentsov B.B. The Fundamental Laws of the Russian Empire of 1906 as a Transfer of Western Constitutionalism: Assessments of the Trend Then and Now // St. Petersburg Historical Journal. 2015. No. 2. pp. 152–171.

[28] Timofeev M.S. The Regulation on Provincial and District Zemstvo Institutions of January 1, 1864, as the Legal Basis for the Zemstvo Reform in Russia // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2014. No. 3. pp. 138–142.

[29] Mironov B.N. A Social History of Russia during the Imperial Period (18th – Early 20th Centuries): in 2 vols. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 588 p.

[30] Remnev A.V. Autocratic Government: The Committee of Ministers within the Higher Administration System of the Russian Empire (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). Moscow: ROSSPEN, 2010. 511 p.

[31] Wortman R.S. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 345 p.

[32] Pipes R. Russia under the Old Regime. New York: Charles Scribner's Sons, 1974. 361 p.

[33] Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven: Yale University Press, 1983. 328 p.

[34] Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. The Hague: Martinus Nijhoff, 1957. 356 p.

[35] Melikovsky A.A. The Constitutional Nature of the Fundamental State Laws of the Russian Empire of April 23, 1906 // Epomen. 2020. No. 43. pp. 156–166. [36] Shulzhenko Yu.L. The Fundamental State Laws of 1906: The Beginning of Real, Practical Constitutionalism in Russia // Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences. 2019. No. 3. pp. 24–33.

[37] Syrykh V.M. History and Methodology of Legal Science. Moscow: Norma; INFRA-M, 2012. 464 p.

[38] Kerimov D.A. Methodology of Law: Subject, Functions, and Problems of the Philosophy of Law. 6th ed. Moscow: SGU Publishing House, 2011. 521 p.

[39] Methodology of Historical-Legal Research / Ed. by V.E. Guliev. Moscow: Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, 1980. 184 p.

[40] Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of State and Law. 5th ed. Moscow: Yurayt, 2020. 521 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.10.2026 г. DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-35-39
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.

АНДРЕЕВА К. М.,
адъюнкт Ростовского юридического института МВД России,
e-mail: kristina-andreeva-96@internet.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному теоретико-правовому и организационно-тактическому анализу использования информации из открытых источников (OSINT) в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) органов внутренних дел. Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией преступности и геополитическими факторами, ограничивающими международное сотрудничество российских правоохранительных органов с зарубежными ИТ-гигантами. В этих условиях автономный поиск в открытом сегменте Интернета становится приоритетным направлением. Опираясь на положения Конституции РФ и Федерального закона «Об информации...» № 149-ФЗ, доказывается бесконфликтный и легитимный характер сбора общедоступных данных. В работе сопоставляются методы OSINT с нормами ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ. Обосновано, что поиск по открытым источникам нормативно реализуется через два ОРМ: «наведение справок» (запросы в реестры и базы данных) и «наблюдение» (мониторинг соцсетей и мессенджеров). В статье предложена авторская классификация массивов открытых данных по технико-содержательному признаку: коммуникативно-социальный сегмент, технические метаданные (EXIF-данные) и инфраструктурно-сетевые параметры. Сформулированы тактические этапы оперативно-розыскного поиска от постановки задачи до верификации. Систематическое внедрение методов анализа OSINT модернизирует тактику ОВД, позволяя автономно извлекать цифровые следы, устанавливать геолокацию и формировать психологический портрет проверяемых лиц без нарушения их конституционных прав.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, открытые источники информации, OSINT, общедоступные данные, сеть Интернет, наведение справок, наблюдение, цифровые следы, метаданные.

ANDREEVA K. M.,
postgraduate student at the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE USE OF OPEN-SOURCE INFORMATION IN OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Annotation. The article is devoted to a comprehensive theoretical, legal, organizational, and tactical analysis of using open-source intelligence (OSINT) in the operational-search activity of internal affairs bodies. The relevance of the research is driven by the rapid digitalization of crime and geopolitical factors that limit international cooperation between Russian law enforcement and foreign IT companies. Under these conditions, autonomous searching in the public segment of the Internet becomes a priority. The Relies on the provisions of the Constitution of the Russian Federation and Federal Law No. 149-FZ «On Information...», proving the conflict-free and legitimate nature of public data collection. The paper correlates OSINT methods with the norms of Federal Law No. 144-FZ «On Operational-Search Activity». It is substantiated that open-source searching is normatively implemented through two operational-search measures: «inquiring» (queries to registries and databases) and «surveillance» (monitoring social media and messengers). The article proposes an author's classification of open data arrays based on technical and content characteristics: the communicative-social segment, technical metadata (EXIF data), and infrastructural/network parameters. The tactical stages of the operational-search process from task setting to verification are formulated. The systematic implementation of OSINT analysis methods modernizes the tactics of law enforcement, allowing them to autonomously extract digital footprints, establish geolocation, and profile subjects without violating their constitutional rights.

Key words: operational-search activity, open source intelligence, OSINT, public data, Internet, inquiring, surveillance, digital footprints, metadata.

Динамичное развитие информационных технологий, глобальная доступность сети Интернет и появление новых коммуникационных платформ существенно изменили структуру современной преступности. В сложившейся оперативной обстановке перед оперативными подразделениями органов внутренних дел (ОВД) остро встала задача модернизации существующих тактических приемов и методов выявления, пресечения и раскрытия преступлений. Традиционные методы оперативно-розыскной деятельности (ОРД), ориентированные преимущественно на физическое пространство, сталкиваются с объективными трудностями при переносе их в цифровую среду. Одним из наиболее перспективных, доступных и законных направлений совершенствования аналитической работы правоохранительных органов является систематическое использование информации из открытых источников (в международной и отечественной научно-практической терминологии часто обозначаемой как OSINT — Open Source Intelligence).

Как верно, указывает В.Ю. Иванов на то, что анализ информации, содержащейся в социальных сетях и на иных сайтах, хранящих персональные данные, открывает большие возможности для сбора информации о конкретном лице [1]. Актуальность теоретического осмысления и практического развития методов работы с открытыми цифровыми источниками обусловлена также геополитическими факторами. В условиях существенного ограничения международного правового и информационного взаимодействия отечественных правоохранительных органов с зарубежными ИТ-компаниями и администрациями коммуникационных платформ получение данных по классическим каналам международных запросов оказалось затруднительным. Это предопределило необходимость перехода к автономным формам поиска оперативно значимых сведений, основанным на самостоятельном извлечении и глубоком интеллектуальном анализе информации, находящейся в открытом, общедоступном сегменте сети Интернет.

Для интеграции методов поиска по открытым источникам в доктрину оперативно-розыскной деятельности необходимо четко определить их правовую природу. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим общественные отношения в исследуемой сфере, является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ [2]. Согласно статье 7 указанного закона, к общедоступной информации относятся общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен. Такая информация может использоваться любыми лицами по их усмотрению при соблюдении установленных федеральными законами ограничений на распространение такой информации.

В контексте теории оперативно-розыскной деятельности открытые источники информации представляют собой массив данных, размещенный пользователями, организациями или государственными органами в свободном доступе, для ознакомления с которыми не требуется преодолевать системы технической защиты, подбирать пароли или получать специальные санкции судебных органов. В криминалистической науке феномен накопления таких сведений содержательно описывается через концепцию «цифровых следов». Как справедливо отмечает Е. П. Ищенко, в России формируется информационное общество – такое общество, в котором большинство работающих людей занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации (знаний), а наряду с традиционным материальным миром возникает специфическая среда существования – компьютерные нейронные сети – кибернетическое пространство, обладающее рядом специфических признаков [3]. И указанное кибернетическое пространство, по моему мнению, сегодня выступает неисчерпаемым источником криминалистически значимой информации, требующей специфических методов фиксации и декодирования. Полноценная обработка данных следов в рамках OSINT позволяет оптимизировать первоначальный этап оперативно-розыскного прогнозирования и моделирования.

Поскольку пользователи сети Интернет размещают указанные сведения добровольно и делают их доступными для неограниченного круга лиц, сбор и анализ такой информации оперативными подразделениями не может рассматриваться как вмешательство в частную жизнь, личную и семейную тайну или нарушение конституционных прав на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23, 24 Конституции РФ) [4]. На основании вышеизложенного можно отметить, что мониторинг открытых интернет-ресурсов (социальных сетей, блогов, публичных каналов) не вторгается в сферу охраняемой законом личной или семейной тайны, поскольку пользователь изначально придал публикуемым материалам публичный статус. Следует учитывать справедливое мнение А.В. Сидоренко и К.И. Масленникова о том, что интенсификация информационных потоков и активное развитие поисковых технологий позволяет рассматривать Интернет в качестве особого инструмента информационного поиска [5].

В системе оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), предусмотренных статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ [6], работа с открытыми источниками информации находит свое нормативное воплощение в рамках двух ключевых мероприятий:

1. «Наведение справок». Данное ОРМ в цифровой среде реализуется посредством направления автоматизированных или ручных поисковых запросов в открытые информационные системы, государственные реестры, справочные базы дан-

ных, WHOIS-сервисы доменных имен и специализированные ведомости. В ходе наведения справок оперативник собирает формализованные сведения о владельцах сетевых узлов, регистрационных данных организаций или идентифицирующих признаках технических средств.

2. «Наблюдение». В электронной форме наблюдение представляет собой негласный или гласный визуальный мониторинг открытых веб-страниц, форумов, каналов в мессенджерах и тематических сообществ в социальных сетях. Сотрудник оперативного подразделения осуществляет непрерывное или дискретное отслеживание динамики размещения контента, фиксацию активности конкретных учетных записей и анализ их коммуникативного поведения, не вступая при этом в непосредственное взаимодействие (диалог) с проверяемыми лицами и не выдавая своего присутствия.

Теоретический анализ юридической литературы показывает, что использование открытых данных в оперативно-розыскной деятельности носит исключительно бесконфликтный характер на этапе их сбора, поскольку действия сотрудника полностью легитимны и осуществляются в общедоступном пространстве. Бесконфликтность ОРМ в цифровой среде обеспечивает высокую сохранность тактического замысла и оперативность получения первичных проверочных материалов.

Справедливо указывает К.С. Белова, на то, что Интернет в силу своего содержания и специфического устройства является самостоятельным объектом познания – элементом функциональной стороны криминальной и антикриминальной деятельности [7].

Для систематизации аналитической работы в процессе оперативно-розыскного поиска представляется целесообразным разделить массивы открытых данных, циркулирующих в сети Интернет, на несколько взаимосвязанных категорий на основе их технической и содержательной специфики.

1. Коммуникативно-социальный сегмент (социальные медиа и мессенджеры). Данная группа источников включает в себя персональные профили пользователей в социальных сетях, открытые группы, сообщества, блоги и публичные каналы в мессенджерах. В научной литературе подчеркивается, что социальные медиа выступают ключевой платформой для цифрового профилирования. В частности, В.Ю. Жандров отмечает, что сбор данных в форме цифрового оперативного поиска позволяет отслеживать коммуникационные связи, предпочтения, перемещения, цифровые следы и даже эмоциональные реакции пользователей [8]. Информация, полученная из этого сегмента, позволяет установить анкетные данные, социально-демографические характеристики, круг связей и контактов проверяемого лица, а также психологический портрет на основе публикуемого контента.

2. Технические метаданные цифровых объектов. Любой файл, размещаемый в сети Интернет (фотоизображение, видеозапись, текстовый документ), содержит в себе скрытую, но доступную для извлечения служебную информацию. Наибольший интерес для ОРД представляют EXIF-данные графических файлов. С помощью открытых утилит для анализа метаданных оперативный сотрудник может получить сведения о точной дате и времени создания файла, модели и серийном номере технического устройства, а также географических координатах места съемки, что позволяет с высокой точностью установить локацию проверяемого лица.

3. Инфраструктурные и сетевые параметры (сетевой аудит). К этой категории относятся открытые данные о техническом устройстве интернет-ресурсов, используемых в противоправных целях. Используя сервисы проверки доменных имен, открытые базы данных IP-адресов и маршрутизации, оперативные сотрудники получают сведения об IP-адресах серверов, хостинг-провайдерах, регистраторах доменов и географическом расположении серверов сайтов. Установление базовых инфраструктурных параметров криминальных интернет-ресурсов служит незаменимым фундаментом для определения технической основы всей преступной деятельности и планирования последующих оперативно-технических мероприятий.

Тактика использования открытых источников в ОРД строится на принципах системности, последовательности и верифицируемости. Процесс работы с общедоступными данными включает в себя несколько последовательных тактических этапов:

Таблица 1.

[Постановка задачи] →
[Сбор данных] →
[Фильтрация информации] →
[Анализ и синтез] →
[Верификация].

Этап 1: Определение поисковых индикаторов (Постановка задачи). На основе первичных материалов оперативный сотрудник формулирует ключевые параметры поиска: уникальные текстовые маркеры, идентификаторы учетных записей (ники, юзернеймы), телефонные номера, адреса электронной почты или специфический сленг.

Этап 2: Сбор информации и преодоление «информационного шума». Главной сложностью этого этапа является колоссальный объем неструктурированных данных в сети Интернет. Тактика сотрудника заключается в правильном комбинировании автоматизированных поисковых алгоритмов (включая специализированное поисковое ПО) и ручного веб-серфинга для отсечения нерелевантных данных.

Этап 3: Фильтрация и структурирование информации. На данном этапе происходит агрегация собранного массива, исключение дублирующих сведений и группировка объектов по хронологическому или тематическому признаку. Эффективная фильтрация на 70% сокращает временные затраты на аналитическую обработку сетевых данных.

Этап 4: Анализ и синтез данных. Сотрудник сопоставляет разрозненные сведения (например, совпадение геолокации из метаданных фото с кругом связей в социальной сети), выявляя скрытые причинно-следственные связи и формируя целостную картину противоправной деятельности.

Этап 5: Верификация. Проверка достоверности полученных сведений через альтернативные независимые открытые источники или путем сопоставления со сведениями, уже имеющимися в распоряжении оперативного подразделения.

Важнейшим условием эффективности использования открытых данных является их последующее введение в уголовный процесс. Информация, полученная из сети Интернет, приобретает статус доказательства только после прохождения процедуры легализации в соответствии со ст. 11 ФЗ «Об ОРД» и уголовно-процессуальным законодательством.

Тактический алгоритм фиксации и легализации открытых данных включает:

1. Документирование хода ОРМ. Осуществляется составление рапорта об обнаружении признаков преступления либо справки о проведении оперативно-розыскного мероприятия (наведения справок, наблюдения), в котором подробно фиксируются: дата, время проведения, технические характеристики используемых ЭВМ и программного обеспечения, точные URL-адреса веб-страниц, а также сетевые реквизиты (IP-адреса).

2. Хеш-верификация и техническое закрепление. В целях исключения обвинений в модификации цифровых данных, оперативный сотрудник осуществляет зеркальное копирование интернет-страниц, запись сетевого трафика в файлы формата .pcap и обязательный расчет хэш-функций (MD5, SHA-256) полученных файлов. К материалам приобщаются скриншоты страниц и оптические или электронные носители информации.

3. Процессуальное представление. Оформленные результаты ОРД направляются в орган предварительного расследования, где следователь производит осмотр представленных документов и электронных носителей, после чего они признаются вещественными доказательствами. В случаях, когда существует риск оперативного удаления информации проверяемыми лицами до возбуждения дела, тактически оправданным шагом выступает привлечение механизмов нотариального обеспечения доказательств.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо сделать вывод о том, что использование открытых источников информации в оперативно-розыскной деятельности представляет собой высокоэффективное, экономически доступное и полностью легитимное средство противодействия современной преступности. В условиях смещения криминальной активности в цифровое пространство и снижения эффективности международных правовых механизмов разведка по открытым источникам (OSINT) становится базовым элементом суверенного оперативно-розыскного поиска.

Нормативно-правовая база Российской Федерации предоставляет оперативному правоприменителю достаточные основания для проведения OSINT-мероприятий в рамках существующих оперативно-розыскных мероприятий «Наблюдение» и «Наведение справок», не нарушая при этом конституционных прав гражданина на неприкосновенность частной жизни и тайну переписки.

Вместе с тем дальнейшее развитие данного направления требует совершенствования методического обеспечения сотрудников ОВД. Необходима разработка унифицированных ведомственных стандартов фиксации и хеширования цифровых данных, а также создание специализированных обучающих программ для оперативного состава по тактике преодоления «информационного шума» и верификации интернет-сведений. Это позволит существенно повысить качество формируемой доказательной базы и эффективность раскрытия высокотехнологичных преступлений.

Список литературы:

[1] Иванов В.Ю. Использование OSINT в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 62-66.

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ: [ред. от 26.06.2026] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.

[3] Ищенко Е. П. У истоков цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О.Е. Кута-

фина (МГЮА). – 2019. – № 3. – С. 15–28.

[4] Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – Москва : Эксмо, 2023. – 76 с – с.9.

[5] Сидоренко А.В., Масленников К.И. Оперативный поиск информации в сети интернет о лицах, подготавливающих и совершающих наркопреступления // Журнал правовых и экономических исследований. – 2025, 2 – С. 217-222.

[6] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: [ред. от 01.04.2025] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

[7] Белова К.С. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук Тактико–организационные основы использования сети Интернет при расследовании преступлений // ФГАОУ ВО «МГЮА им. О.Е. Кутафина». – 2026. – С. 75.

[8] Жандров В.Ю. Методы оперативно-разыскной деятельности: теоретическая основа трансформации в условиях цифровизации // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 31-40.

References:

[1] Ivanov V.Yu. The Use of OSINT in the Detection and Investigation of Crimes // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1. – pp. 62–66.

[2] On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 [as amended on June 26, 2026] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part 1). – Art. 3448.

[3] Ishchenko E. P. At the Origins of Digital Forensics // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). – 2019. – No. 3. – pp. 15–28.

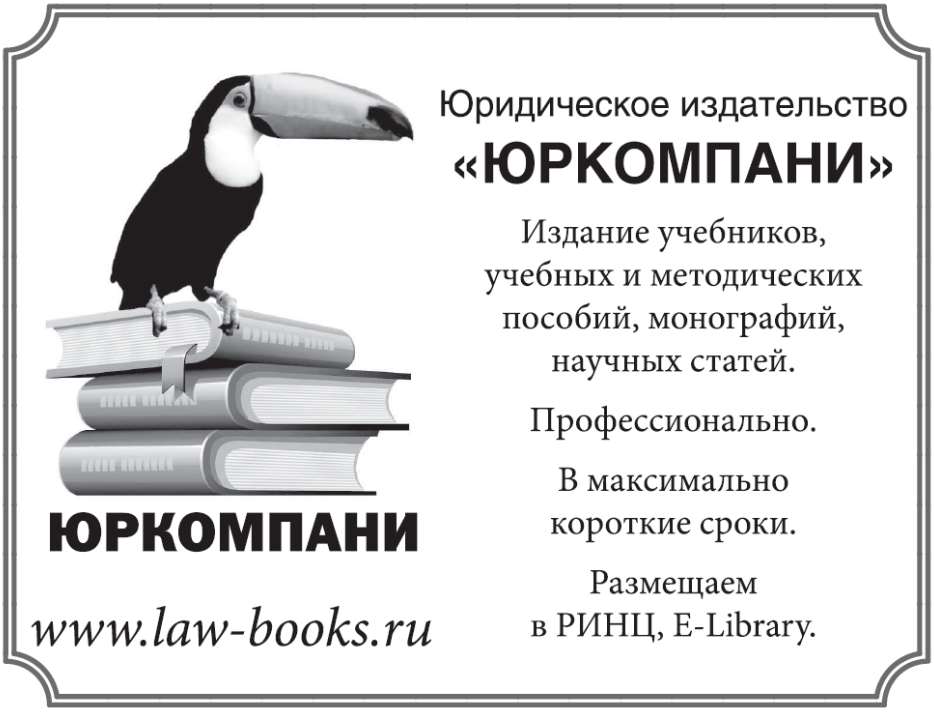
[4] Russian Federation. Constitution (1993). Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. – Moscow: Eksmo, 2023. – 76 p. – p. 9.

[5] Sidorenko A.V., Maslennikov K.I. Operational Search for Information on the Internet Regarding Individuals Preparing or Committing Drug-Related Crimes // Journal of Legal and Economic Research. – 2025, No. 2. – pp. 217–222.

[6] On Operational-Search Activity: Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 [as amended on April 1, 2025] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 33. – Item 3349.

[7] Belova K.S. Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: Tactical and Organizational Foundations for Using the Internet in Criminal Investigations // Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2026. – P. 75.

[8] Zhandrov V.Yu. Methods of Operational-Investigative Activity: Theoretical Basis for Transformation in the Context of Digitalization // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – No. 4. – Pp. 31–40.



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-40-45

КОВАЛЁВ Сергей Викторович,
старший преподаватель ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблем уголовно-правовой оценки криптовалюты в качестве объекта коррупционных посягательств. Исследуются вопросы отнесения цифровых финансовых активов к предмету взяточничества и коммерческого подкупа, коллизии в применении норм статей 290, 291, 204 УК РФ, а также специфика доказывания в уголовном судопроизводстве. Установлено, что действующее уголовное законодательство позволяет квалифицировать криптовалюту как «иное имущество» посредством системного толкования бланкетных норм. Определено, что моментом окончания преступления следует признавать возникновение у должностного лица реальной возможности распорядиться цифровыми активами. Предложен двухуровневый подход к совершенствованию правового регулирования, сочетающий применение действующих норм УК РФ и перспективные законодательные реформы. Сформулированные рекомендации направлены на упрощение квалификации и оценки размера незаконного вознаграждения, а также организацию межведомственного взаимодействия при расследовании коррупционных деяний с использованием цифровых финансовых активов.

Ключевые слова: криптовалюта, коррупционные преступления, уголовно-правовая квалификация, цифровые финансовые активы, взяточничество, предмет преступления, уголовно-процессуальное доказывание.

KOVALEV Sergey Viktorovich,
Senior Lecturer, Federal State Educational Institution of Higher Education, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

CRYPTOCURRENCY AS A SUBJECT OF CORRUPTION CRIMES: PROBLEMS OF CRIMINAL LAW QUALIFICATION AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the issues related to the criminal-legal assessment of cryptocurrencies as objects of corruption. It examines the classification of digital financial assets as subjects of bribery and commercial bribery, as well as conflicts arising from the application of Articles 290, 291, and 204 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper also addresses the specifics of evidence in criminal proceedings. The study concludes that the current criminal legislation allows for the qualification of cryptocurrencies as «other property» through a systematic interpretation of general norms. The moment when an official gains the real opportunity to dispose of digital assets is identified as the completion point of the crime. A two-tier approach to improving legal regulation is proposed, combining the use of existing norms of the Criminal Code with prospective legislative reforms. The recommendations aim to simplify the qualification and assessment of the amount of illegal remuneration, as well as to organise interdepartmental cooperation in investigating corruption involving digital financial assets.

Key words: cryptocurrency, corruption crimes, criminal law qualification, digital financial assets, bribery, the subject of the crime, criminal procedural evidence.

Стремительная цифровизация мировой экономики кардинально трансформировала финансовые отношения, создав новые каналы для криминальной деятельности. Стоит отметить то, что криптовалюты, обладающие свойствами анонимности, децентрализации и трансграничности, активно интегрируются в коррупционные схемы, что существенно повышает латентность данных деяний и усложняет их выявление. Отсутствие специальных процессуальных форм фиксации верифицированных криптопереводов и невозможность традиционного контроля

со стороны банковских структур объективно затрудняют работу правоохранительных органов. Особо важным становится то, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации не содержит прямой отсылки к цифровым финансовым активам как к предмету взяточничества, несмотря на сохраняющуюся высокую общественную опасность подобных посягательств. Именно поэтому становится необходимым формирование единообразной правоприменительной практики и устранение существующих пробелов в нормативно-правовом регулировании.

Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ проблем квалификации криптовалюты в качестве предмета коррупционных преступлений, а также разработка научно обоснованных путей совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- исследовать правовой и регуляторный статус цифровых финансовых активов;

- выявить пробелы в диспозициях ст. 290, 291, 204 УК РФ;

- проанализировать процессуальные и криминалистические особенности доказывания;

- сформулировать предложения по оптимизации правоприменительной деятельности.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере противодействия коррупции. Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за коррупционные деяния с использованием криптовалюты.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. В ходе исследования применялся формально-юридический метод, позволивший провести детальный анализ нормативно-правовых предписаний и разъяснений, сформулированных высшими судебными органами. Использование системно-структурного подхода дало возможность проследить трансформацию института предмета взятки — от классических материальных благ к современным цифровым правам. Благодаря сравнительно-правовому и историко-правовому инструментам удалось реконструировать этапы развития законодательного регулирования и соотнести российскую практику с международными антикоррупционными стандартами.

Уровень научной проработки рассматриваемой проблематики подтверждается значительным массивом публикаций, затрагивающих отдельные аспекты обращения цифровых активов и их вовлечённости в коррупционные схемы. В частности, В.А. Полтарыхин обоснованно указывает, что отсутствие специализированных процессуальных механизмов фиксации верифицируемых криптопереводов, а также невозможность применения традиционных банковских процедур контроля создают объективные препятствия для правоохранительных органов при выявлении и процессуальном оформлении коррупционных деяний, совершаемых с использованием криптовалют [1, с. 110]. Так, И.Р. Аминов и С.В. Трусов, изучая проблемы цифровизации коррупции, указывают на необходимость прямого признания цифровой валюты предметом преступления независимо от правового режима её выпуска и обращения, что, по их мнению, позволит устранить законодательные пробелы в квалификации соответствующих деяний [2, с. 95–96]. Помимо этого, следует сказать о том, что процессуальные аспекты и конституционно-правовой конфликт, связанный с требованием декларирования для судебной защиты, подробно раскрыты в трудах П.О. Герцена и А.Ю. Чурилова, которые предупреждают о формировании «правового нарратива», создающего неправомерную условность реализации фундаментальных гарантий [3, с. 21–23]. Д.В. Гриб подчеркивает конвертируемую экономическую природу криптоактивов и их соответствие критериям цифровых прав, что формирует достаточное основание для их отнесения к объектам гражданских прав в контексте уголовно-правовой квалификации [4, с. 79–80]. Криминалистические особенности оперативно-розыскного обеспечения и превентивный потенциал технологии распределенных реестров исследованы Д.Г. Лисовским и П.В. Креером, обращающими внимание на специфику фиксации переводов в публичных блокчейнах и сложности работы с privacy-коинами [5, с. 556–557]. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным майнингом как источником коррупционного обогащения, рассмотрены Д.Э. Алёхиным, который анализирует возможности применения статей 171, 158, 165 УК РФ в совокупности с нормами о легализации преступных доходов [6, с. 58–62]. В.В. Качалов справедливо отмечает, что действующее законодательство уже сейчас, без внесения изменений в УК РФ, позволяет квалифицировать криптовалюту как «иное имущество», определяя момент окончания преступления возникновением у должностного лица реальной возможности распорядиться цифровыми активами [7, с. 19–22]. Обращаясь к позиции доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Бориса Владимировича Волженкина, следует отметить его фундаментальные выводы о межотраслевой природе категории «имущество», требующей системного толкования при квалификации экономических деяний, что создаёт надёжную доктринальную основу для применения бланкетных норм уголовного закона к цифровым финансовым активам [8, с. 4].

Несмотря на значительный вклад указанных учёных, вопрос комплексной квалификации криптовалюты именно как предмета коррупцион-

ных посягательств в условиях правовой неопределённости требует дальнейшего доктринального осмысления. Исходя из вышеизложенного, следует отметить то, что формирование единообразной правоприменительной практики невозможно без сочетания системного толкования действующих норм и точечных законодательных инициатив, направленных на устранение терминологических пробелов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в комплексе рассмотрена криптовалюта в «двойной роли»: как самостоятельный предмет коррупционного преступления и как объект, полученный преступным путем (в частности, посредством незаконного майнинга) для последующего использования в коррупционных схемах. Кроме того, предложен двухуровневый подход к правовому регулированию, сочетающий применение действующих норм УК РФ через системное толкование и перспективные законодательные реформы для устранения терминологической неопределенности. Такой подход позволяет оперативно реагировать на вызовы цифровой эпохи без ожидания масштабных кодификационных изменений.

Практическая значимость полученных результатов обусловлена возможностью их непосредственного использования в правоприменительной деятельности. Сформулированные рекомендации по квалификации момента окончания преступления, оценке размера взятки в криптовалюте на основе усредненных биржевых курсов, а также предложения по адаптации оперативно-розыскных методик и взаимодействию с VASP-провайдерами могут быть внедрены в практику следственных органов и судов. Исходя из этого, стоит отметить то, что разработанные положения способны повысить эффективность выявления, раскрытия и расследования коррупционных преступлений с использованием цифровых финансовых активов, а также послужат основой для подготовки межведомственных методических пособий и нормативных законопроектов.

Для глубокого понимания проблематики необходимо, прежде всего обратиться к теоретико-правовым основам, определяющим понятие предмета коррупционных преступлений в условиях цифровой трансформации. Необходимо сказать о том, что историческая эволюция предмета взяточничества и коммерческого подкупа в российской доктрине и законодательстве демонстрирует последовательный переход от исключительно материальных носителей к абстрактным финансовым инструментам. В подтверждение сказанному ранее стоит обратиться к фундаментальным положениям теории уголовного права об экономических преступлениях. Так, Борис Владимирович Волженкин, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, государственный советник юстиции 2 класса, изучая природу хозяйственных преступлений, указывает на их ярко выраженную межотраслевую специфику: поскольку диспозиции соответствующих норм уголовного закона имеют бланкетный характер, для их уяснения необходимо обращаться к понятиям и положениям гражданского, налогового, финансового и иных отраслей законодательства [8, с. 4]. Применительно к современной цифровой экономике данный подход означает, что категория «имущество» в уголовном праве не может рассматриваться изолированно от её гражданско-правового наполнения, а требует системного толкования с учётом регуляторных реалий.

Следует отметить то, что легализация криптовалюты в отечественном правовом поле носит фрагментарный, но последовательный характер. В частности, Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ внёс в статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации новое понятие «цифровые права», отнеся их к категории «иного имущества». В свою очередь, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…» закрепил дефиницию «цифровой валюты» как совокупности электронных данных, выступающих средством платежа или инвестиций, не являющихся фиатной валютой [3, с. 17–18]. Помимо этого, следует сказать о том, что публично-правовое признание цифровых активов имуществом закреплено в ряде профильных федеральных законов: цифровая валюта признана имуществом в целях банкротства (ст. 2 ФЗ-127), исполнительного производства (ст. 68 ФЗ-229), противодействия коррупции (ст. 8 ФЗ-273) и противодействия легализации преступных доходов (ст. 3 ФЗ-115) [3, с. 19].

Особо важным становится то, что регуляторный статус криптовалюты продолжает расширяться за счёт введения новых механизмов контроля и налогообложения. Так, Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ легализовал деятельность по добыче (майнингу) цифровой валюты, обязав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей регистрироваться в специальном реестре ФНС России, а также установил двухэтапное налогообложение таких операций и возможность запрета майнинга в энергодефицитных регионах [6, с. 59]. В подтверждение сказанному ранее стоит отметить, что изменения в Налоговом кодексе Российской Федерации вводят обязательную декларацию оборота цифровых активов при превышении установленного лимита, что фактически интегрирует криптовалюту в систему фискального учёта наравне с традиционными финансовыми инструментами [5, с. 556]. Подобная интеграция свидетельствует о формировании устойчивого правопорядка, признающего экономическую ценность цифровых активов.

Однако стоит сказать о том, что в уголовном

праве прямо запрещена аналогия закона, в том числе при квалификации коррупционных деяний. Данная позиция неоднократно подтверждалась Конституционным Судом Российской Федерации при проверке конституционности соответствующих норм. Тем не менее, запрет на аналогию не означает запрета на использование категорий из других отраслей права при разрешении конкретных уголовных дел. В подтверждение этому следует привести позицию высших судебных инстанций, согласно которой понятия гражданского права, в частности категория «имущество», активно используются при квалификации преступлений, если это обусловлено бланкетным характером уголовно-правовых норм [3, с. 19–20]. Экономическая природа криптовалюты, заключающаяся в её конвертируемости в фиатные деньги, наличии рыночной стоимости и выполнении функций средства обращения и меры стоимости, полностью соответствует критериям материального блага, способного выступать объектом преступного посягательства [4, с. 79–80].

Исходя из этого, стоит отметить то, что отсутствие прямого упоминания термина «криптовалюта» в диспозициях статей 290, 291 и 204 УК РФ не является непреодолимым препятствием для квалификации соответствующих деяний. Легализация цифровых активов в гражданско-правовом, фискальном и регуляторном измерениях формирует устойчивую доктринальную и правоприменительную базу для квалификации криптовалюты в качестве «иного имущества» в рамках уголовного законодательства. Указанное обстоятельство предоставляет возможность привлечения субъектов к уголовной ответственности за коррупционные преступления, совершённые с использованием цифровых финансовых активов, без ожидания корректировок норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

После обоснования теоретической допустимости отнесения криптовалюты к категории «иного имущества» логично перейти к рассмотрению практических коллизий, возникающих при реализации соответствующих правовых конструкций. Следует констатировать, что диспозиции статей 290, 291 и 204 УК РФ не содержат императивных указаний на цифровые финансовые активы или криптовалюту как на предмет взяточничества либо коммерческого подкупа. Подобный нормативный пробел порождает определённые сложности при квалификации противоправных деяний в контексте интенсивной цифровизации экономических отношений. Как отмечают И.Р. Аминов и С.В. Трусов, отсутствие чёткого законодательного указания порождает дискуссии относительно природы цифровых активов и возможности их признания предметом коррупционных правонарушений [2, с. 95]. Однако бланкетный характер данных норм позволяет использовать категории смежных отраслей права для восполнения данного пробела без внесения изменений в Особенную часть УК РФ.

В подтверждение сказанному стоит привести высказывание, содержащееся в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 24.12.2019 № 59). Высшая судебная инстанция указывает, что предметом взятки наряду с деньгами и имуществом могут быть незаконное предоставление имущественных прав, а также возможность получения доходов от использования цифровых прав [5, с. 555]. Помимо этого, следует сказать о том, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (в ред. от 26.02.2019 № 1) прямо закреплено, что предметом легализации (отмывания) денежных средств могут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, приобретённых преступным путём [2, с. 96]. Таким образом, судебная практика фактически признаёт экономическую ценность криптоактивов, формируя устойчивую базу для их квалификации в качестве предмета коррупционных деяний.

Особо важным становится то, что в доктрине уголовного права сформировалась единая позиция относительно момента окончания преступления. В.В. Качалов обоснованно полагает, что получение в качестве взятки криптовалюты следует признавать оконченным деянием с момента, когда у должностного лица появилась принципиальная возможность этой криптовалютой воспользоваться или распорядиться по своему усмотрению [7, с. 19]. Аналогичную позицию занимают И.Р. Аминов и С.В. Трусов, указывая, что зачисление средств на электронный кошелёк или передача реквизитов доступа образует оконченный состав, при этом последующая конвертация в фиатные деньги или фактическое распоряжение активами не являются обязательными условиями квалификации [2, с. 96]. Исходя из этого, стоит отметить то, что критерием окончания преступного деяния выступает именно возникновение у виновного реальной возможности свободно оперировать полученными цифровыми активами, а не их физическое или юридическое преобразование.

Стоит отметить то, что существенной проблемой правоприменения остаётся точная денежная оценка переданных цифровых активов. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, переданное в качестве взятки имущество должно получить денежную оценку, в том числе с учётом заключения специалиста или эксперта [5, с. 555]. В.В. Качалов справедливо отмечает, что поскольку у криптовалют отсутствует официальный курс и они отличаются высокой волатильностью, основным инструментом при определении размера взятки должно выступать заключение эксперта, который может

руководствоваться усреднёнными курсами различных криптобирж на момент совершения преступления [7, с. 22]. Такой подход обеспечивает объективность квалификации и позволяет корректно применять квалифицирующие признаки, связанные с размером незаконного вознаграждения, даже при отсутствии утверждённых государством методик оценки цифровых активов.

Обращаясь к Д.Г. Лисовскому и П.В. Крееру, следует отметить их важный доктринальный вывод относительно разграничения взятки и подарка в цифровой среде. Авторы подчёркивают, что взятка всегда предполагает встречное исполнение должностных обязанностей вне зависимости от суммы переданных средств, тогда как подарок по своей гражданско-правовой природе исключает возмездность [5, с. 557]. В качестве примера можно привести ситуацию, когда должностному лицу переводятся цифровые активы номинальной стоимостью ниже трёх тысяч рублей: если перевод обусловлен необходимостью совершения определённых действий по службе, он квалифицируется как мелкое взяточничество, а не как дарение. Представленные выше аргументы свидетельствуют, что при квалификации деяний с использованием криптовалюты, ключевым остаётся установление коррупционной взаимосвязи, тогда как денежный эквивалент передаваемых ценностей отходит на второй план.

Особую сложность представляет квалификация случаев, когда в качестве взятки фигурируют криптоактивы, добытые виновным незаконным путём (в ходе майнинга). В работе Д.Э. Алёхина детально рассматриваются вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконной добычей и использованием криптовалюты, при этом автор указывает на частую квалификацию таких деяний по ст. 171, 158 либо 165 УК РФ с последующим вменением легализации доходов согласно ст. 174 и 174.1 УК РФ [6, с. 58–62]. В ситуации, когда подобные активы в дальнейшем передаются должностному лицу, возникает непростая задача доказывания причинно-следственной связи между изначальным преступным обогащением и последующим коррупционным эпизодом. В связи с этим представляется обоснованным разграничивать этап незаконного приобретения криптоактивов и этап их применения в качестве предмета коммерческого подкупа либо получения взятки, поскольку данные деяния посягают на различные объекты уголовно-правовой охраны, что предполагает их самостоятельную оценку в ходе расследования.

Рассмотрев квалификационные аспекты, необходимо обратиться к процессуальным, криминалистическим и конституционным особенностям, без учёта которых невозможно эффективное правоприменение в данной сфере. Следует отметить то, что доказывание коррупционных преступлений с использованием криптовалюты сопряжено со значительными процессуальными трудностями, обусловленными технической природой цифровых активов. Специфика доказывания характеризуется анонимностью, псевдонимизацией, децентрализацией распределенных реестров и трансграничным характером транзакций. Стоит отметить замечание В.А. Полтарыхина о том, что инфраструктура криптовалютных сетей позволяет создавать кошельки анонимно, без прохождения верификации по паспортным данным, а отсутствие посредников в виде банковских учреждений и личных встреч существенно затрудняет работу правоохранительных органов и фиксацию преступной деятельности [1, с. 110]. Более того, действующие нормы уголовно-процессуального законодательства, в частности статьи 176 и 183 УПК РФ, регламентирующие порядок осмотра, выемки и наложения ареста на имущество, не адаптированы к специфике цифровых кошельков и распределенных баз данных, что формирует устойчивый пробел в процессуальном обеспечении расследований.

Список литературы:

[1] Полтарыхин, В. А. Криптовалюта как предмет коррупционного преступления / В. А. Полтарыхин // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.П. Малкова. В 2-х частях, Чебоксары, 02–03 октября 2020 года. Том Часть 2. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2020. – С. 109-113.

[2] Аминов И.Р., Трусов С.В. (2025). Криптовалюта как предмет преступлений коррупционной направленности. Международный научный вестник. – 2025. – № 1. С. 93-97.

[3] Герцен, П. О. Судебная защита прав на криптовалюту: современный нарратив, проблемы и перспективы / П. О. Герцен, А. Ю. Чурилов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 4(42). – С. 16-27.

[4] Гриб Д.В. Цифровые финансовые активы как предмет преступлений в сфере информационных технологий по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2(58). С. 77–82.

[5] Лисовский Д.Г., Креер П.В. Предмет коррупционных преступлений. Цифровые финансовые активы как предмет коррупционных преступлений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 555–558.

[6] Алёхин Д.Э. Квалификация преступлений, связанных с получением криптовалюты (майнингом) // Вектор юридической науки. 2025. № 5. С. 58–64.

[7] Качалов, В. В. Получение взятки криптова-

лютой: вопросы квалификации / В. В. Качалов // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 2. – С. 19-25.

[8] Волженкин, Б. В. Экономические преступления / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 1999. – 312 с.

References:

[1] Poltarykhin, V. A. Cryptocurrency as the Subject of a Corruption-Related Crime / V. A. Poltarykhin // Legal and Ethical Aspects of the Functioning of Civil Society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of V. P. Malkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, and Professor. In 2 parts, Cheboksary, October 2–3, 2020. Part 2. – Cheboksary: I. N. Ulyanov Chuvash State University, 2020. – pp. 109–113.

[2] Aminov, I. R., & Trusov, S. V. (2025). Cryptocurrency as the Subject of Corruption-Related Crimes. International Scientific Bulletin. – 2025. – No. 1. – pp. 93–97.

[3] Gertsen, P. O., & Churilov, A. Yu. Judicial Protection of Rights to Cryptocurrency: Contemporary Narrative, Challenges, and Prospects / P. O. Gertsen, A. Yu. Churilov // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. – 2023. – No. 4(42). – pp. 16–27.

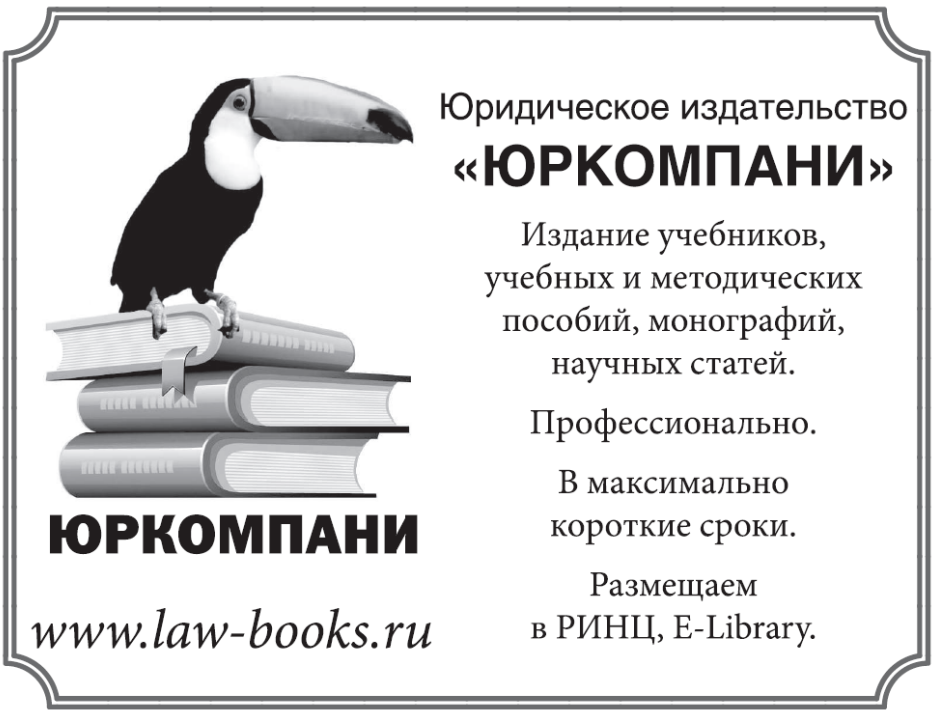
[4] Grib, D. V. Digital Financial Assets as the Subject of Crimes in the Sphere of Information Technology under the Legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2(58). – pp. 77–82.

[5] Lisovsky, D. G., & Kreer, P. V. The Subject of Corruption-Related Crimes. Digital Financial Assets as the Subject of Corruption-Related Crimes // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 3. pp. 555–558.

[6] Alekhin D.E. Legal Classification of Crimes Involving the Acquisition of Cryptocurrency (Mining) // Vector of Legal Science. 2025. No. 5. pp. 58–64.

[7] Kachalov, V. V. Receiving a Bribe in the Form of Cryptocurrency: Issues of Legal Classification / V. V. Kachalov // Union of Criminalists and Criminologists. – 2020. – No. 2. – pp. 19–25.

[8] Volzhenkin, B. V. Economic Crimes / B. V. Volzhenkin. – Saint Petersburg: «Yuridicheskiy Tsentr Press» Publishing House, 1999. – 312 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г. DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-46-49
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.

АДЖАКОВА Наира Аминуллаевна,
студентка 3 курса магистратуры факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
тел.: +7965-808-76-77,
e-mail: adzhakova.2002@mail.ru

Научный руководитель:
ВОЙТОВИЧ Лилия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: voitovich@yandex.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Рассматриваются способы реализации института предварительных обеспечительных мер в рамках арбитражного процесса, анализируется практика применения предварительного обеспечения, разъяснения вышестоящих судов в вопросах применения предварительных обеспечительных мер.

Ключевые слова: обеспечительные меры, меры по обеспечению иска, предварительные обеспечительные меры, арбитражный процесс, судебная практика.

ADZHAKOVA Naira Aminullaevna,
3rd-year Master's student, Faculty for the Training of Specialists for the Judicial System (Faculty of Law), North-Western Branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Academic Supervisor:
VOYTOVICH Liliya Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedural Law, North-Western Branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

PRELIMINARY INTERIM MEASURES IN ARBITRATION PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the methods of implementing the institution of preliminary interim measures within the framework of the arbitration process, analyzes the practice of applying preliminary interim measures, and provides clarifications from higher courts regarding the application of preliminary interim measures.

Key words: interim measures, measures to secure a claim, preliminary interim measures, arbitration process, judicial practice.

Институт предварительных обеспечительных мер получил своё широкое применение в арбитражном процессе, что в свою очередь, привело к возникновению разного рода проблемных вопросов при их практическом применении. Судебные акты, оформляющие обеспечительные меры в арбитражном судопроизводстве должны отвечать всем необходимым требованиям [1; 2].

Л.Г. Энгельман в своих трудах уделял особое внимание роли данного института, и предлагал рассматривать предварительное обеспечение, как некий механизм, обеспечивающий немедленное реагирование в случае необходимости защиты имущественных интересов заявителя, когда основной иск ещё не рассматривается судом. В работах Л.Г. Энгельман отмечал: «истец всегда рискует, даже в случае выигрыша процесса, ничего не получить от своего должника, поэтому к нему на помощь приходит суд, который налагает арест на имущество должника до того момента, когда дело будет окончательно разрешено» [3]. Однако, важно учесть, что данная правовая ситуация создаёт широкое поле действий для злоупотребления своими правами со стороны участников процесса, что в свою очередь, требует особого внимания и со стороны суда, и со стороны законодателя.

Предварительное обеспечение в сегодняшнем понимании получило своё широкое применение только в послереволюционной России, в большей части заимствовав данный правовой институт из опыта применения его в других странах. Само зарождение предварительных обеспечительных мер берёт своё начало ещё с эпохи римского право. Что касается средневекового времени, то своё бурное развитие данный правовой институт получил в таких странах, как Англия, Франция и Германия [4].

В российском праве предварительные обеспечительные меры окончательно укоренились благодаря принятию Арбитражного процессуального кодекса 2002 года (далее – АПК РФ). Так, статья 99 АПК РФ укореняет и обеспечивает управление данным правовым институтом. Интересно отметить, что после принятия Кодекса, в данную законодательная норму неоднократно внедрялись те или иные изменения, что позволяет отметить намерение законодателя оптимизировать и создать благоприятные условия для использования данного правового явления правоприминителем на практике.

В соответствии с положениями статьи 99 АПК РФ предварительные обеспечительные меры представляют собой комплекс процессуальных действий, санкционированных арбитражным судом на основании соответствующего заявления и направленных на защиту имущественных интересов заявителя до момента подачи искового заявления [5]. Таким образом, законодательство предоставляет субъекту право инициировать применение предварительных обеспечительных мер на стадии, предшествующей возбуждению искового производства в арбитражном суде.

Важно отметить, что сама методика применения института предварительных обеспечительных мер сопоставима с общими правилами применения обеспечительных мер, содержащихся в АПК РФ, но с некоторыми особенностями, которые нашли своё закрепление в статье 99 АПК РФ. То есть, центральное положение в вопросе о принятии тех или иных обеспечительных мер (в том числе и предварительных), занимает достаточная обоснованность заявителем своих требований об их применении, установленная ч.2 ст. 90 АПК РФ.

В рамках рассматриваемого вопроса необходимо уделить существенное внимание определению сроков действия предварительных обеспечительных мер, чтобы минимизировать риски по злоупотреблению сторонами своим правом на применение данного института. Когда заявитель обращается в суд с исковым требованием, предварительно наложенные обеспечительные меры плавно перетекаю в обеспечительные меры, наложенные в рамках данного процесса. Однако, пристальное внимание привлекает ситуация, когда заявитель предварительного обеспечения не спешит с подачей в суд основного искового заявления. Здесь важно отметить, что временные рамки, в которые должен уложиться заявитель с подачей иска, вводятся судом в определении о применении обеспечительных мер, при этом максимальный срок не должен превышать пятнадцать дней. Данный факт встретил ряд критических оценок среди отдельных групп правоведов, что и спровоцировало возникновение дискуссии среди исследователей об достаточности указанного периода в рамках арбитражного судопроизводства. Так, большинство авторов склоняются к тому, что отличительной чертой дел, рассматриваемых в рамках арбитражного процесса, является их затяжной характер, обусловленный тем, что экономические споры при данном судопроизводстве рассматриваются между юридическими лицами с существенной суммой иска. В сложившейся ситуации имеет место установление более продолжительного срока для подготовки стороной основного искового заявления, оформлению необходимых документов и сбору доказательств по делу [6].

Исходя из приведенных доводов, некоторые авторы считаю целесообразным внести изменения в статью 99 АПК РФ, закрепив в ней фиксированный срок действия предварительных обеспечительных мер, составляющий один месяц (исключив дискрецию суда по определению срока в пределах указанного месяца). Представляется, что данная позиция является обоснованной. При этом соблюдение принципа процессуального равенства сторон обеспечивается наличием у ответчика права на предоставление встречного обеспечения в соответствии с ч. 4 ст. 99 АПК РФ, что может быть признано судом необходимым условием применения предварительных обеспечительных мер. Встречное обеспечение представляет собой обеспечение, которое направлено по отношению к заявителю ради возмещения, причиняемого другой стороне ущерба, возникновение которых допустимо принятием подобных мер [7]. То есть оно может вы-

ступать как некая гарантия защиты прав другой стороны и удовлетворять исполнение принципа равноправия сторон в судебном процессе.

В тоже время, возникает некий дисбаланс в соблюдении баланса равноправия сторон при рассмотрении заявления о применении предварительных обеспечительных мер в отсутствие сторон и в единоличном порядке. В такой ситуации у потенциального ответчика, право на обжалование применения тех или иных предварительных обеспечительных мер, в соответствии со статей 97 АПК РФ, возникает только после подачи заявителем искового заявления, что создаёт для ответчика заведомо неравное положение.

С точки зрения практико-ориентированности проводимого исследования следует обратить внимание на те ошибки, которые довольно часто возникают при применении института предварительных обеспечительных мер. Обращаясь в суд, с заявлением о применении предварительных обеспечительных мер, стороны, чаще всего, допускают процессуальные погрешности или же в недостаточной степени предоставляю суду обоснование необходимости тех или иных мер в конкретной ситуации, и их соразмерность.

Что касается процессуальных неточностей, то зачастую, заявитель, обращаясь с заявлением в электронном формате, может не подписать его усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП). Поскольку, доступ к подаче документа в электронной форме через портал «Мой арбитр», ещё не даёт автоматической гарантии на его подписание конкретным уполномоченным на то лицом, и не приравнивается к подписанию с использованием УКЭП. Это, действительно, важный момент, так как данное требование закрепляется в ч.1 ст. 97 АПК РФ и в п.4 ПП ВС РФ от 26.12.2017 №57 [8].

На практике встречаются случаи, когда заявитель обращается с заявлением о применении предварительных обеспечительных мер без указания в нём конкретного предмета спора, размера имущественных требований, не указывая испрашиваемую предварительную обеспечительную меру, а также не обосновывая причину своего обращения. Иными словами, заявление подано с существенными нарушениями в его содержании. Чтобы избежать данной ситуации, при обращении в суд с подобным заявлением, сторонам важно соблюдать те требования, которые нашли своё отражение в ч.2 ст. 92 АПК РФ. В случаях, когда заявление о предварительном обеспечении подаётся до обращения с основным иском по делу, следует отразить в заявлении имущественные права, которые отстаивает сторона по делу. Кроме того, будет вполне уместным, приложить документы о встречном обеспечении требований по спору (ч.4, ст. 99 АПК РФ).

Отдельную группу ошибок в рамках рассматриваемой темы занимают неточности в обосновании необходимости мер. Так, нередко, заявитель не предоставляет суду обоснований того, что непринятие тех или иных конкретных мер может затруднить или вовсе сделать невозможным исполнение будущего судебного акта или же причинить заявителю значительный ущерб. Основываться лишь на предположении возникновения неблагоприятных последствий для заявителя является недостаточным. Решением данной ситуации будет служить указание в своем заявлении на конкретные обстоятельства, предоставление выписок по счетам, сведения о выводе активов со стороны ответчика, наличие официального и публичного заявления должника о ликвидации организации. Таким образом, проводя анализ обоснованности испрашиваемых мер, суд, в каждом конкретном деле исходит из принципов разумности, связи запрашиваемой меры с предметом спора, а также с учетом принципа соразмерности.

Анализируя роль института предварительных обеспечительных мер, Е.В. Кускова подчеркивает, что предварительное обеспечение, главным образом, является необходимой предпосылкой для возникновения процессуальных правоотношений [7]. Ключевой характеристикой предварительных обеспечительных мер является момент их применения – до предъявления исковых требований. М.А. Рожкова акцентирует внимание на другой важной особенности рассматриваемых мер – безотлагательности, имеющей существенное значение. В отличие от обеспечительных мер, применяемых в рамках искового производства, когда ответчик, осведомлённый о факте предъявления иска, может предпринять действия по сокрытию имущества до вынесения судебного решения, применение предварительных обеспечительных мер основано на факторе неожиданности, позволяющем превентивно предотвратить попытки ответчика скрыть имущество. Представляется, что данная точка зрения заслуживает поддержки, поскольку элемент неожиданности при применении предварительных обеспечительных мер способствует достижению основной цели данного института.

Список литературы:

[1] Войтович Л.В. К вопросу о видах судебных актов в цивилистическом судопроизводстве. // Право и государство: теория и практика. № 2. 2025. С. 338-342.

[2] Войтович Л.В. Полномочия суда в цивилистическом судопроизводстве: понимание, виды и реализация посредством судебных актов. // Право и государство: теория и практика. № 7. 2025. С. 364-368.

[3] Энгельман Т. М. Курс русского гражданского судопроизводства. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев, 1912. Репринт: М.: Статут, 2004. (Классика российской цивилистики) – С.153.

[4] Котлярова В.В. Сущность, виды и порядок применения обеспечительных мер в арбитраж-

ном процессе: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15 / Котлярова Вера Викторовна. – Самара, 2015. С. 190.

[5] Дибляк Д.А. О вопросе применения предварительных обеспечительных мер в арбитражном процессе // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 34. С. 1537-1542.

[6] Горюнов К.М. Проблемные аспекты правового регулирования института встречного обеспечения иска в российском арбитражном судопроизводстве. // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. №11 С. 21-23.

[7] Кускова Е.В. Предварительные обеспечительные меры как основание возникновения арбитражных процессуальных правоотношений / Е.В. Кускова // Вестник ВолГУ. 2013. № 4. С. 119-122.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 №57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.10.2026).

References:

[1] Voytovich L.V. On the Types of Judicial Acts in Civil Litigation. // Law and State: Theory and Practice. No. 2. 2025. pp. 338–342.

[2] Voytovich L.V. The Powers of the Court in Civil Litigation: Conceptualization, Types, and Exercise through Judicial Acts. // Law and State: Theory and Practice. No. 7. 2025. pp. 364–368.

[3] Engelman T.M. A Course on Russian Civil Procedure. 3rd ed., rev. and exp. Yuryev, 1912. Reprint: Moscow: Statut, 2004. (Classics of Russian Civil Law/Procedure) – p. 153.

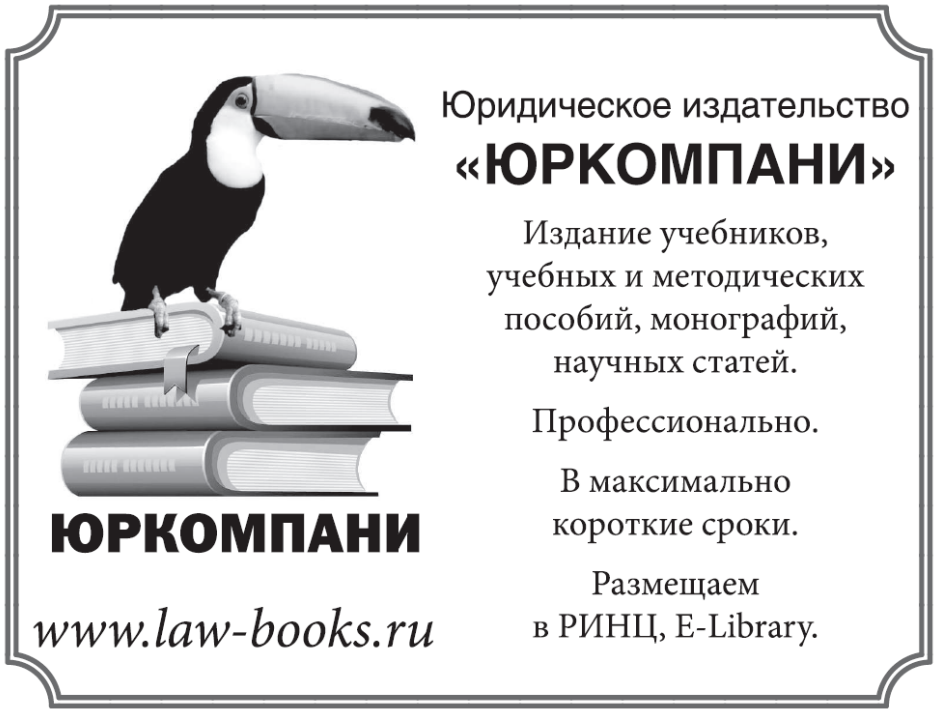
[4] Kotlyarova V.V. The Nature, Types, and Procedure for Applying Interim Measures in Arbitration (Commercial) Proceedings: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.15 / Kotlyarova Vera Viktorovna. – Samara, 2015. p. 190.

[5] Diblyak D.A. On the Application of Preliminary Interim Measures in Arbitration (Commercial) Proceedings. // Innovations. Science. Education. 2021. No. 34. pp. 1537–1542.

[6] Goryunov K.M. Problematic Aspects of the Legal Regulation of Counter-Security for Claims in Russian Arbitration (Commercial) Proceedings. // Arbitration and Civil Procedure. 2023. No. 11. pp. 21–23.

[7] Kuskova E.V. Preliminary Interim Measures as a Basis for the Emergence of Arbitral Procedural Legal Relations / E. V. Kuskova // Vestnik VolGU [Volgograd State University Bulletin]. 2013. No. 4. pp. 119–122.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2017, No. 57 "On Certain Issues Regarding the Application of Legislation Governing the Use of Electronic Documents in the Activities of Courts of General Jurisdiction and Arbitral Courts" // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: October 9, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 11.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-50-52

ИЛЬИНА Янина Владимировна,
студент 4 курса,
Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева,
e-mail: Yanina.ilyina@mail.ru

Научный руководитель:
ВОЙТОВИЧ Лилия Владимировна,
заведующая кафедрой гражданского процессуального права,
доцент, кандидат юридических наук,
Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева,
e-mail: voitovich@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ УТРАЧЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу законодательных пробелов в процедуре восстановления утраченного судебного производства. Обосновывается необходимость внедрения мотивированного определения суда и установления предельных сроков для обращения с целью совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: особое производство, восстановление утраченного судебного производства в гражданском судопроизводстве, инициатива суда, мотивированное определение суда.

ILYINA Yanina Vladimirovna,
4th-year student,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Academic Supervisor:
VOITOVICH Liliya Vladimirovna,
Head of the Department of Civil Procedural Law,
Associate Professor, Candidate of Legal Sciences,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

SOME PROBLEMS RELATED TO THE LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE FOR RESTORING LOST PROCEEDINGS IN CIVIL LITIGATION

Annotation. The article is devoted to the analysis of legislative gaps in the procedure for restoring lost court proceedings. The necessity of introducing a reasoned court ruling and establishing maximum time limits for filing a claim is substantiated.

Key words: special proceedings, restoration of lost court proceedings in civil proceedings, court initiative, reasoned court ruling.

Несмотря на частичный переход на электронное делопроизводство, случаи утраты судебных дел, в силу чрезвычайных обстоятельств, человеческого фактора или технических сбоев, продолжают фиксироваться в судебной практике [8]. Вместе с тем, в главе 38 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [9] (далее - ГПК РФ), регулирующая процедуру восстановления утраченного производства, прослеживаются существенные пробелы, не позволяющие утверждать о полном правовом урегулировании.

В частности, стоит отметить отсутствие четкой процессуальной формы для реализации права суда возбуждать производство по собственной инициативе (ч. 2 ст. 313 ГПК РФ), отсутствие преклюзивных сроков для обращения, а также гарантированного периода для подготовки при возбуждении дела судом. Отсутствие указанных процессуальных механизмов порождает правовую неопределённость, что, в свою очередь, приводит к формированию разной правоприме-

нительной практики судами.

В академической среде акцептируется внимание на системном характере недостатков регулирования. Так, Ю.С. Давидян, проводя сравнительный анализ данного вида дел, подчеркивает, что сложившаяся ситуация привела к тому, что «органы правосудия в сфере общей и специальной юрисдикции сформировали принципиально разную правоприменительную практику» [3, с. 27], что свидетельствует о необходимости унификации и детализации процедурных правил. Вместе с тем, Е.А. Грицких прямо указывает на возникающие у судов сложности ст. 316 ГПК РФ [6, с. 85].

Рассматривая ключевую черту процедуры, необходимо учитывать, что восстановлению подлежит акт при условии окончания судебного дела, то есть итоговый. Данная особенность, которая также отмечена П.В. Крашенинником в постатейном комментарии к ГПК [1, с. 413], сужает предмет процедуры, что делает требования к форме и срокам её инициирования еще более значимыми, на что также указывает С.Ю. Некрасов, акцентируя внимание на обязательной мотивировке инициативы суда [2, с. 20]. Это полностью коррелирует с позицией Л.В. Войтович, которая, исследуя смежный институт оставления заявления без движения в контексте принципа доступности правосудия, также приходит к выводу о необходимости законодательно закрепить, что «определение... должно быть мотивированным» [4, с. 261]. Кроме этого, особого внимания заслуживает последний из ее трудов, посвященный особому производству [5].

Развивая логику автора, представляется возможным выделить следующие аргументы в пользу обязательного мотивированного определения.

Необходимо начать с того, что оно обеспечивает правовую определенность, посредством фиксации момента возбуждения и установления связанных с ним оснований, что позволяет вышестоящим инстанциям и заинтересованным лицам проверить обоснованность судебной инициативы, а, следовательно, повышает контроль и возможность обжалования, что в полной мере направлено на реализацию принципа доступности правосудия. Кроме этого, мотивированное определение создаст системную аналогию с другими институтами, где суд действует по своей инициативе. Подобную параллель можно провести с институтом пересмотра по новым обстоятельствам (ст. 392 ГПК РФ). На основании этого, можно сделать вывод о том, что введение нормы о мотивированном определении судьи представляет собой вектор развития принципа процессуальной экономии как обеспечение четкости и предсказуемости процедуры, что в конечном итоге минимизирует споры и судебные ошибки.

Безусловно, данные аргументы могут подвергаться критике, в виде излишнего формализма, шаблонности, однако данные риски могут быть сглажены посредством строгого следования правилам, установленных ст. 225 ГПК. При этом, предполагаемый риск шаблонности можно разрешить посредством разъяснений Верховного Суда РФ, в чем объективно нуждается данная процедура.

Затрагивая законодательное упущение в виде отсутствия упоминания сроков на право обращения о восстановлении утраченного производства, по нашему мнению целенаправленно предложить классическую двухзвенную модель срока (3 года / 10 лет), что является оптимальным компромиссом между интересами заявителей и целью стабилизации процессуальных правоотношений. Так, Е.А. Шекунов, анализируя природу объективного срока, указывает, что «сроки исковой давности предназначены дисциплинировать участников гражданских правоотношений, побуждая последних своевременно реализовывать свои права и исполнять возложенные обязанности» [7, с. 49].

Также важно рассмотреть дополнение ст. 315 ГПК РФ положением о назначении первого судебного заседания не ранее чем через два месяца при возбуждении дела по инициативе суда, которая служит важной процессуальной гарантией. В ситуациях, когда суд действует по собственной инициативе, именно он становится главным двигателем этого механизма. Такая активная роль суда обусловлена особой природой доказывания по делам данной категории, где суду необходимо время для установления этих процессуальных фактов, таких как состав лиц, участвовавших в утраченном деле. В такой ситуации двухмесячный срок является разумным периодом для реализации активной роли суда по выявлению круга заинтересованных лиц через запросы в архивы и иные каналы, что реализует цель достижения объективной истины.

Таким образом, институт восстановления утраченного судебного производства в гражданском процессе в настоящее время объективно нуждается в законодательном совершенствовании. Расширение и конкретизация правового регулирования данного института позволит не только устранить текущую неопределённость, но и создать основу для дальнейшего развития процедуры.

Список литературы:

[1] Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. П.В. Крашенинникова. - М.: Статус, 2012. 636 с.

[2] Некрасов С.Ю. Инициатива суда и судейское усмотрение в гражданском и арбитражном процессе // ГлаголЪ правосудия. 2017. № 2 (14). С. 19-23.

[3] Давидян, Ю. С. Унификация порядка рассмотрения дел о восстановлении утраченного судебного производства в гражданском, арби-

тражном, административном судопроизводстве // Юридический аналитический журнал. 2022. Т. 17, № 4. С. 25-30.

[4] Войтович, Л. В. Оставление заявления без движения: детерминированность принципом доступности правосудия // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 257-261.

[5] Войтович, Л. В. Особое производство в гражданском и арбитражном судопроизводстве: учеб. пособие / под общей ред. Л.В. Войтович. - М.: ИД «Городец», 2026. 554 с.

[6] Грицких Е.А. К вопросу об унификации норм гражданского процессуального законодательства о восстановлении утраченного судебного производства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 82-88.

[7] Шекунов Е.А. Объективный срок исковой давности в гражданском судопроизводстве: современные проблемы применения // Вестник магистратуры. 2023. №3-1 (138). С. 49-51.

[8] Решение по делу № 2-984/2026 от 2 марта 2026 г // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QuUHReQB4lW/ (дата обращения: 20.10.2026).

[9] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11. 2002 №138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

References:

[1] Article-by-Article Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation / Ed. by P.V. Krasheninnikov. — Moscow: Status, 2012. 636 p.

[2] Nekrasov S.Yu. Judicial Initiative and Judicial Discretion in Civil and Arbitration Proceedings // Glagol Pravosudiya (Voice of Justice). 2017. No. 2 (14). P. 19–23.

[3] Davidyan Yu.S. Unification of the Procedure for Handling Cases on the Restoration of Lost Judicial Records in Civil, Arbitration, and Administrative Proceedings // Legal Analytical Journal. 2022. Vol. 17, No. 4. P. 25–30.

[4] Voytovich L.V. Leaving an Application Without Further Action: Determination by the Principle of Access to Justice // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 6 (222). P. 257–261.

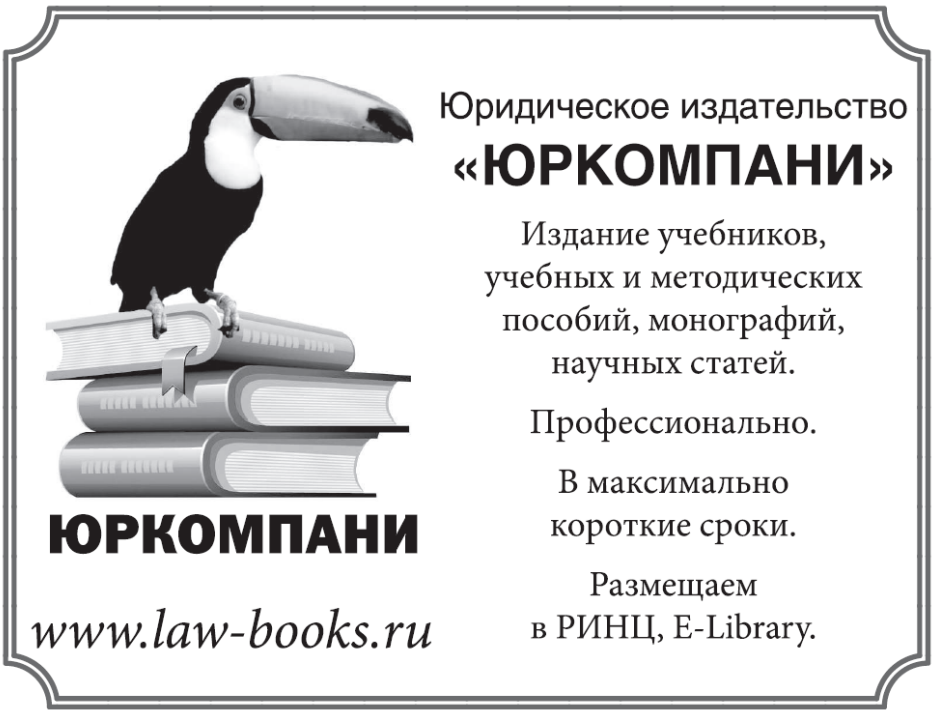
[5] Voytovich L.V. Special Proceedings in Civil and Arbitration Litigation: A Textbook / Ed. by L.V. Voytovich. — Moscow: Gorodets Publishing House, 2026. 554 p.

[6] Gritskikh E.A. On the Issue of Unifying Civil Procedural Norms Regarding the Restoration of Lost Judicial Records // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2024. No. 3 (58). P. 82–88.

[7] Shekunov E.A. Objective Limitation Period in Civil Litigation: Contemporary Application Challenges // Bulletin of Master's Studies (Vestnik Magistratury). 2023. No. 3-1 (138). pp. 49–51.

[8] Judgment in Case No. 2-984/2026, dated March 2, 2026 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QuUHReQB4lW/ (accessed: October 20, 2026).

[9] Civil Procedure Code of the Russian Federation, Federal Law No. 138-FZ of November 14, 2002 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.10.2026 г. DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-53-57
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.

СТАРЧЕНКО Екатерина Алексеевна,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: ek4594320@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровизации на традиционные способы обеспечения исполнения обязательств и анализируются возможности применения новых цифровых инструментов в этой сфере. Исследуются такие аспекты, как правовая природа цифровых активов и их использование в качестве залога, особенности применения смарт-контрактов для обеспечения исполнения обязательств, а также перспективы использования технологии блокчейн для создания децентрализованных систем управления залогами. Особое внимание уделяется анализу рисков и проблем, связанных с применением цифровых инструментов в сфере обеспечения исполнения обязательств, включая вопросы правовой неопределённости, безопасности и защиты прав сторон. На основе проведённого анализа предлагаются пути совершенствования правового регулирования и повышения эффективности использования цифровых технологий для обеспечения исполнения обязательств в современной экономике. Статья представляет интерес для юристов, экономистов, финансистов и всех, кто интересуется вопросами цифровой трансформации права и экономики.

Ключевые слова: цифровизация, способы обеспечения исполнения обязательств, искусственный интеллект, блокчейн, смарт-контракт.

STARCHENKO Ekaterina Alekseevna,
Saint Petersburg Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Saint Petersburg, Russia

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON WAYS OF ENSURING THE PERFORMANCE OF OBLIGATIONS

Annotation. The article examines the impact of digitalization on traditional ways of ensuring the performance of obligations and analyzes the possibilities of using new digital tools in this area. Such aspects as the legal nature of digital assets and their use as collateral, the specifics of using smart contracts to ensure the performance of obligations, and the prospects for using blockchain technology to create decentralized collateral management systems are studied. Particular attention is paid to the analysis of risks and problems associated with the use of digital tools in the field of ensuring the performance of obligations, including issues of legal uncertainty, security and protection of the rights of the parties. Based on the analysis, ways to improve legal regulation and increase the efficiency of using digital technologies to ensure the performance of obligations in the modern economy are proposed. The article is of interest to lawyers, economists, financiers and anyone interested in the digital transformation of law and economics.

Key words: digitalization, ways of ensuring the performance of obligations, artificial intelligence, blockchain, smart contract.

Цифровизация — это процесс преобразования информации в цифровую форму и интеграция цифровых технологий во все аспекты жизни общества и экономики. Это означает не просто автоматизацию существующих процессов, но и их переосмысление, оптимизацию и создание принципиально новых моделей взаимодействия. Цифровизация охватывает широкий спектр деятельности, включая государственное управление, образование, здравоохранение, финансы, промышленность, торговлю, культуру и другие сферы.

Говоря о цифровизации, следует учитывать её ключевые признаки, а именно:

— переход к цифровым формам, иными словами, замена аналоговых процессов и данных на цифровые;

— интеграция технологий, а именно использование широкого спектра цифровых технологий (облачные вычисления, большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн и др.) для автоматизации и оптимизации деятельности;

— ориентация на данные, то есть использование данных для принятия решений и повышения эффективности процессов;

— сетевое взаимодействие, активное использование сетевых технологий для обмена информацией и взаимодействия между участниками процессов;

— повышение эффективности и производительности, иначе говоря, достижение более высокой эффективности и производительности за счёт автоматизации, оптимизации и новых возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями.

Цифровизация играет ключевую роль в развитии современного общества, оказывая существенное влияние на экономику, социальную сферу и повседневную жизнь людей. Во-первых, это экономический рост. Цифровизация способствует повышению производительности труда, снижению затрат, созданию новых рынков и развитию инноваций, что в конечном итоге приводит к экономическому росту. Во-вторых, это повышение конкурентоспособности. Компании, активно внедряющие цифровые технологии, получают конкурентные преимущества на рынке. В-третьих, улучшается качество жизни. Цифровизация позволяет улучшить качество жизни за счёт повышения доступности и удобства получения государственных услуг, образования, здравоохранения, культуры и других благ. В-четвёртых, цифровые технологии позволяют повысить прозрачность и эффективность государственного управления, снизить коррупцию и улучшить взаимодействие между государством и гражданами. В-пятых, появляются новые формы занятости. Цифровизация создаёт новые возможности для удалённой работы, фриланса и других гибких форм занятости. В-шестых, цифровые технологии могут использоваться для решения социальных проблем, таких как бедность, неравенство, дискриминация и т.д. Наконец, это развитие науки и образования. Цифровизация открывает новые возможности для проведения научных исследований, обмена знаниями и получения образования.

В целом, цифровизация является мощным двигателем прогресса, способным радикально изменить все сферы жизни общества. Однако для успешной цифровизации необходимо учитывать связанные с ней риски и вызовы, такие как кибербезопасность, защита персональных данных, цифровая зависимость, неравенство доступа к технологиям и т.д.

Традиционные способы обеспечения исполнения обязательств

Традиционные способы обеспечения исполнения обязательств — это юридические инструменты, которые используются для повышения вероятности исполнения должником своих обязательств перед кредитором. Они стимулируют должника к надлежащему исполнению обязательства, а также предоставляют кредитору дополнительные гарантии в случае неисполнения обязательства должником.

Основные традиционные способы обеспечения исполнения обязательств, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации (ГК РФ):

а) Неустойка (статья 330 ГК РФ). Определённая законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

б) Залог (статьи 334–369 ГК РФ). Кредитор (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения должником (залогодателем) обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами залогодателя. Залогом может быть обеспечено обязательство, которое возникнет в будущем.

в) Удержание (статья 359 ГК РФ). Кредитор, правомерно владеющий вещью, подлежащей передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению связанных с ней издержек и других убытков удерживать её до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено.

г) Поручительство (статьи 361–367 ГК РФ). Поручитель обязывается перед кредитором другого лица (должника) отвечать за исполнение им его обязательства полностью или в части. Поручительство обеспечивает не только основной долг, но и проценты, неустойку, возмещение убытков и другие расходы кредитора, вызванные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником.

д) Банковская гарантия (статьи 368–379 ГК РФ). Банк, иное кредитное учреждение или страховая организация (гарант) выдает по просьбе другого лица (принципала) письменное обязательство уплатить кредитору (бенефициару) принципала определённую денежную сумму по представлении бенефициаром письменного требования об её уплате.

е) Задаток (статья 380 ГК РФ). Денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счёт причитающихся с неё по договору платежей другой стороне, в доказательство за-

ключения договора и в обеспечение его исполнения.

ж) Обеспечительный платёж (статья 381.1 ГК РФ). Денежная сумма, которая вносится одной из сторон договора в пользу другой стороны для обеспечения исполнения обязательства и подлежит возврату или засчитывается в счёт исполнения обязательства в случае его надлежащего исполнения.

Каждый из этих способов имеет свои особенности и применяется в зависимости от характера обязательства и интересов сторон.

Цифровизация в юридической сфере и ключевые технологии

В контексте бизнеса и права цифровизация — это комплексный процесс трансформации, затрагивающий все аспекты деятельности организации, начиная от внутренних процессов и заканчивая взаимодействием с клиентами и партнёрами, посредством внедрения и использования цифровых технологий. Это предполагает не только автоматизацию рутинных операций, но и переосмысление бизнес-моделей, создание новых ценностей и повышение эффективности на основе данных и цифровых инструментов. В юридической сфере цифровизация означает применение цифровых технологий для оптимизации юридических процессов, повышения доступности юридических услуг, автоматизации рутинных задач, анализа больших объёмов данных и принятия обоснованных решений.

Цифровизация опирается на широкий спектр технологий, которые позволяют автоматизировать, оптимизировать и трансформировать бизнес-процессы. Наиболее значимыми из них являются блокчейн, искусственный интеллект, облачные технологии и роботизация процессов.

Блокчейн (Blockchain) — это распределённый реестр данных, обеспечивающий прозрачность, безопасность и неизменность транзакций. В праве блокчейн применяется для создания цифровых контрактов (смарт-контрактов), защиты авторских прав, ведения реестров прав собственности, а также удостоверения цифровых подписей.

Искусственный интеллект (ИИ) или машинное обучение (МО) — это системы, способные обучаться, адаптироваться и выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта. Искусственный интеллект и машинное обучение применяются для анализа юридических документов, прогнозирования исхода судебных дел, автоматизации составления типовых договоров, поиска информации в правовых базах данных.

Облачные технологии (Cloud Computing) — это предоставление вычислительных ресурсов и услуг через интернет, позволяющее компаниям масштабировать свою инфраструктуру, снижать затраты и повышать гибкость. Чаще всего применяются для хранения и обработки конфиденциальной информации, организации удалённого доступа к правовым базам данных, проведения онлайн-консультаций.

Роботизация процессов (RPA) — это использование программных роботов для автоматизации повторяющихся и рутинных задач, выполняемых человеком. Зачастую используется для автоматизации заполнения типовых форм, проверки документов на соответствие требованиям, поиска информации в правовых базах данных.

Эти технологии являются ключевыми элементами цифровой трансформации, предоставляя юридической сфере новые возможности для повышения эффективности, снижения затрат и улучшения качества предоставляемых услуг. Однако их внедрение требует осторожного планирования, а также учёта связанных с ним рисков и правовых аспектов.

Влияние цифровизации на способы обеспечения исполнения обязательств

Цифровизация оказывает существенное влияние на традиционные способы обеспечения исполнения обязательств, предлагая новые инструменты и подходы, повышающие их эффективность и надёжность. Одним из ключевых изменений является автоматизация процессов с помощью смарт-контрактов. Смарт-контракт — это компьютерный алгоритм, который автоматически контролирует исполнение условий договора. Они записываются в блокчейн и выполняются автоматически при наступлении определённых событий, что исключает необходимость участия посредников и снижает риски человеческой ошибки или злоупотреблений.

У смарт-контрактов есть свои преимущества. Автоматическое исполнение, а именно исключение человеческого фактора и автоматическое исполнение условий договора при наступлении заранее определённых событий. Прозрачность, то есть код смарт-контракта виден всем участникам, что обеспечивает прозрачность условий и исполнения договора. Также запись в блокчейн обеспечивает неизменность и защиту от подделки условий договора. Отсутствие посредников снижает транзакционные издержки и повышает эффективность процесса. Автоматическое исполнение обязательств значительно ускоряет процесс: если должник нарушает сроки исполнения обязательства, смарт-контракт автоматически списывает сумму неустойки со счёта должника и перечисляет её кредитору. А если должник не исполняет обязательство, смарт-контракт автоматически переводит залоговое имущество на счёт кредитора. Также нужно отметить условное депонирование (эскроу). Смарт-контракт может выступать в качестве эскроу-агента, автоматически перечисляя средства продавцу после выполнения определённых условий покупателем (например, после подтверждения получения товара).

Использование блокчейна для повыше-

ния прозрачности и надёжности сделок. Блокчейн-технология, лежащая в основе смарт-контрактов, также способствует повышению прозрачности и надёжности сделок. В преимущества блокчейна входят: неизменность данных — информация, записанная в блокчейн, не может быть изменена или удалена, что обеспечивает её достоверность и надёжность; прозрачность — все транзакции, записанные в блокчейн, доступны для просмотра всем участникам сети, что обеспечивает прозрачность сделок; децентрализация — блокчейн не имеет единого центра управления, что снижает риск манипуляций и сбоев.

Искусственный интеллект (ИИ) может использоваться для мониторинга и управления обязательствами, выявляя риски неисполнения и предлагая меры по их предотвращению. Преимущества использования ИИ: анализ больших данных — ИИ способен анализировать большие объёмы данных из различных источников (финансовая отчётность, социальные сети, новости) для выявления факторов риска; прогнозирование — ИИ может прогнозировать вероятность неисполнения обязательств на основе анализа исторических данных и текущих тенденций; автоматическое оповещение — ИИ может автоматически оповещать кредиторов о выявленных рисках и предлагать меры по их предотвращению (например, требование предоставления дополнительного обеспечения); оптимизация условий договоров — ИИ может анализировать условия договоров и предлагать их оптимизацию для снижения рисков.

Таким образом, цифровизация открывает новые перспективы для совершенствования способов обеспечения исполнения обязательств, делая их более эффективными, надёжными и доступными. Однако для полноценного использования этих возможностей необходимо решить вопросы правового регулирования, кибербезопасности и защиты данных.

Проблемы и вызовы цифровизации в сфере обеспечения исполнения обязательств

Цифровизация, наряду с огромными возможностями, несёт в себе ряд серьёзных проблем и вызовов, которые необходимо учитывать при внедрении новых технологий в сферу обеспечения исполнения обязательств. Основным из них будет необходимость адаптации законодательства к новым технологиям. Существующее законодательство часто не успевает за развитием технологий и не может адекватно регулировать новые виды цифровых активов, смарт-контракты, децентрализованные платформы и другие инновации.

Законодательство имеет следующие пробелы в области цифровизации способов обеспечения исполнения обязательств:

— неопределённость правового статуса цифровых активов;

— отсутствие чётких правил заключения, исполнения и оспаривания смарт-контрактов;

— сложности в определении юрисдикции и применимого права в трансграничных сделках;

— необходимость адаптации существующих правовых институтов (залог, удержание, поручительство) к цифровой среде.

Данные проблемы требуют следующих способов решения:

— разработка специализированного законодательства, регулирующего цифровые активы и смарт-контракты;

— унификация правовых норм на международном уровне;

— внесение изменений в существующее законодательство для адаптации к цифровым реалиям.

Использование цифровых технологий предполагает сбор, хранение и обработку больших объёмов данных, что создаёт риски несанкционированного доступа, утечек информации и нарушения конфиденциальности. В связи с этим существуют следующие проблемы:

— уязвимость к кибератакам и утечкам данных;

— риски использования данных для неправомерных целей;

— отсутствие доверия у пользователей к цифровым платформам.

Решение этих проблем возможно следующими способами:

— внедрение современных методов защиты данных (шифрование, анонимизация, многофакторная аутентификация);

— соблюдение требований законодательства о защите персональных данных;

— разработка этических кодексов и принципов использования ИИ и других технологий;

— повышение осведомлённости пользователей о рисках и методах защиты данных;

— необходимость обучения специалистов в области новых технологий.

Для эффективного внедрения и использования цифровых технологий в сфере обеспечения исполнения обязательств необходимы специалисты, обладающие соответствующими знаниями и навыками.

Будущее обеспечения исполнения обязательств в условиях цифровизации

Цифровизация продолжит оказывать существенное влияние на правовые механизмы обеспечения исполнения обязательств, приводя к их трансформации и появлению новых форм. Смарт-контракты станут более сложными и гибкими, позволяя автоматизировать широкий спектр обязательств. ИИ будет использоваться для анализа данных и разработки индивидуальных условий договоров, учитывающих риски и потребности каждой стороны. Цифровые идентификаторы, основанные на блокчейне, обеспечат более надёжную идентификацию.

Список литературы:

[1] Акинфиева В. В. Значение обеспечительного платежа как способа обеспечения исполнения обязательств в условиях цифровизации обязательственного права Российской Федерации // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 388-395.

[2] Аксенов Д. А., Куприков А. П., Саакян П. А. Направления и особенности применения блокчейн-технологии в экономике // π-Economy. 2018. № 1. С. 30-38.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32.

[4] Усачев Е. Г. Смарт-контракт как разновидность договора в электронной форме // Закон и право. 2025. № 2. С. 197-201.

[5] Федотова В. В., Емельянов Б. Г., Типнер Л. М. Понятие блокчейн и возможности его использования // European science. 2018. № 1 (33). С. 40-48.

[6] Цветкова Л. А. Перспективы развития технологии блокчейн в России: конкурентные преимущества и барьеры // Экономика науки. 2017. № 4. С. 275-296.

References:

[1] Akinfieva V. V. The Significance of a Security Deposit as a Means of Securing the Performance of Obligations in the Context of the Digitalization of the Law of Obligations in the Russian Federation // Perm Legal Almanac. 2019. No. 2. pp. 388–395.

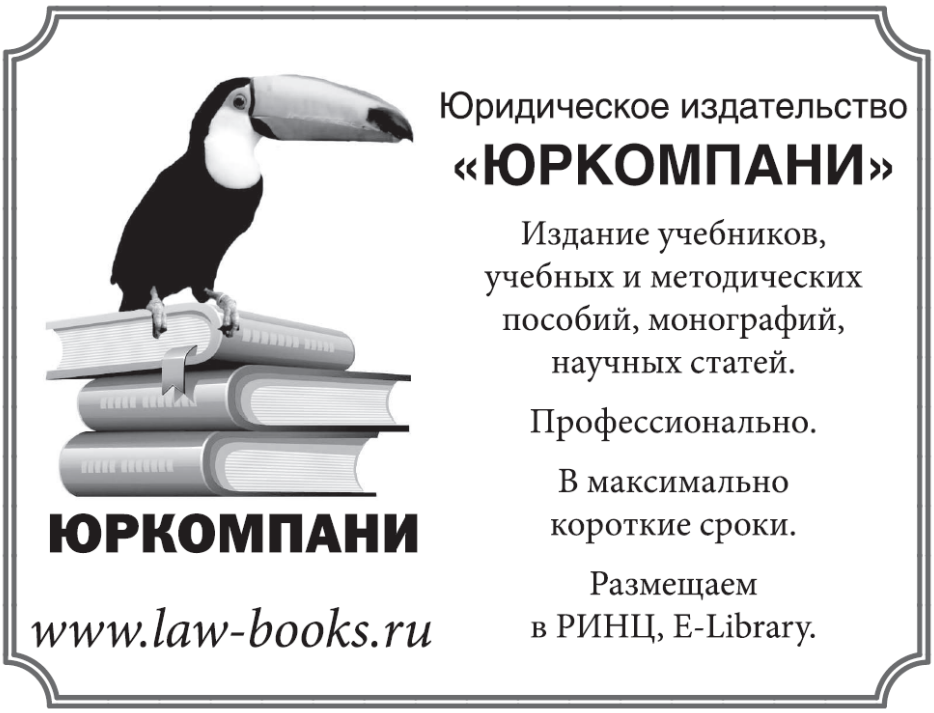
[2] Aksenov D. A., Kuprikov A. P., Saakyan P. A. Directions and Specifics of Blockchain Technology Application in the Economy // π-Economy. 2018. No. 1. pp. 30–38.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. December 5, 1994. No. 32.

[4] Usachev E. G. The Smart Contract as a Type of Electronic Agreement // Law and Legislation. 2025. No. 2. pp. 197–201.

[5] Fedotova V. V., Emelyanov B. G., Tipner L. M. The Concept of Blockchain and Possibilities for Its Use // European Science. 2018. No. 1 (33). pp. 40–48.

[6] Tsvetkova L. A. Prospects for the Development of Blockchain Technology in Russia: Competitive Advantages and Barriers // Economics of Science. 2017. No. 4. pp. 275–296.



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-58-62

БАРКОВ Константин Борисович,
аспирант по направлению подготовки
частно-правовые (цивилистические) науки,
кафедра Юриспруденции
Российский Университет Кооперации,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: barkov@resurspravo.ru

ВЛАДЕЛЕЦ ФРАНШИЗЫ КАК КОНТРОЛИРУЮЩЕЕ ДОЛЖНИКА ЛИЦО: ГРАНЬ МЕЖДУ ЗАЩИТОЙ РЕПУТАЦИИ СЕТИ И ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ БАНКРОТНОЙ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена компаративистскому и доктринальному анализу проблемы квалификации владельца франшизы в качестве контролирующего должника лица при банкротстве пользователя. Разграничиваются законные меры защиты репутации бренд-сети и неправомерное операционное вмешательство, способное повлечь субсидиарную ответственность. На основе положений главы 54 Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также специфического нормативного массива Индонезии (Постановление Правительства № 42/2007) и Малайзии (Закон о франчайзинге 1998 г.) выявляются тенденции судебной практики. Автором доказано, что разграничение контроля качества и управления операциями требует комплексной оценки эквивалентности договорных условий. В работе предложены правовые критерии защиты сетевых институтов от неправомерных субсидиарных притязаний.

Ключевые слова: коммерческая концессия, франчайзинг, контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, банкротство, репутация сети, Индонезия, Малайзия, сравнительное правоведение, субординация требований.

BARKOV Konstantin Borisovich,
Graduate student,
Specialization in Private Law (Civilistic) Sciences.
Faculty of Jurisprudence,
Russian University of Cooperation,
Moscow, Russian Federation

THE FRANCHISEE AS A PERSON CONTROLLING THE DEBTOR: THE LINE BETWEEN PROTECTING THE NETWORK'S REPUTATION AND GROUNDS FOR SUBSIDIARY LIABILITY IN BANKRUPTCY

Annotation. The article is devoted to a comparative and doctrinal analysis of the problem of qualifying a franchise owner as a person controlling a debtor in franchisee bankruptcy. A distinction is drawn between legitimate measures to protect network reputation and unlawful operational interference capable of entailing subsidiary liability. Based on the provisions of Chapter 54 of the Civil Code of the Russian Federation, the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)», as well as the specific regulatory framework of Indonesia (Government Regulation No. 42/2007) and Malaysia (Franchise Act 1998), trends in judicial practice are identified. The author proves that distinguishing quality control from operational management requires a comprehensive assessment of the equivalence of contractual terms. The paper proposes legal criteria for protecting network structures from unjustified subsidiary claims.

Key words: commercial concession, franchising, person controlling the debtor, subsidiary liability, bankruptcy, network reputation, Indonesia, Malaysia, comparative law, subordination of claims.

Динамика современного предпринимательского оборота характеризуется усложнением организационных форм взаимодействия субъектов хозяйствования. Модель франчайзинга, получившая нормативное закрепление в главе 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г., с изм. от 9 июня 2026 г.) под институтом коммерческой концессии, выступает основой сетевого распределения

товаров и услуг [1]. Норма статьи 1027 названного Кодекса прямо обязывает правообладателя предоставлять пользователю комплекс исключительных прав. Однако экономическое бытие сетевой конструкции неизбежно порождает дуализм юридической природы отношений. С одной стороны, правообладатель стремится жестко регламентировать стандарты обслуживания, дизайн помещения, правила работы с персоналом и ценообразование. С другой стороны, пользователь формально сохраняет статус независимого юридического лица или индивидуального предпринимателя, несущего самостоятельно коммерческие риски.

Неплатежеспособность локального пользователя влечет за собой столкновение интересов кредиторов и владельца коммерческого обозначения. Законодательство о несостоятельности стремится расширить круг лиц, за счет имущества которых возможно удовлетворение требований конкурсных кредиторов. Статья 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» квалифицирует в качестве контролирующего должника лица физическое или юридическое лицо, имевшее право давать обязательные для исполнения должником указания. Возникает правовой конфликт. Защита деловой репутации товарного знака, предписываемая статьей 1031 Гражданского кодекса Российской Федерации, при определенных обстоятельствах трактуется конкурсными управляющими как полное подавление операционной самостоятельности франчайзи.

Граница между легитимным договорным контролем и директивным управлением остаётся предметом острых научных дискуссий. В западной юриспруденции сходная проблематика исследуется сквозь призму концепции «расщепленной экономики». A. Elmore подробно разбирает, как крупные правообладатели через жесткие стандарты фактически управляют трудом и операционной деятельностью пользователей, перекладывая одновременно финансовые и банкротные риски на локальных партнеров [2]. Автор доказывает необходимость пересмотра традиционных иммунитетов правообладателя, когда степень проникновения в текущие бизнес-процессы превышает задачи простой охраны нематериального актива.

Применение стандартов защиты бренда рискует трансформироваться в основание субсидиарной ответственности по статье 61.11 Закона о банкротстве. Практика арбитражных судов сталкивается с трудностью квалификации намерений правообладателя. Категорический запрет на смену поставщиков сырья, установление монопольно высоких цен за софт и принудительное участие в убыточных маркетинговых акциях образуют признаки прямого причинения вреда кредиторам. В подобных кейсах правообладатель из хранителя стандартов качества превращается в теневого руководителя, определяющего финансовую судьбу должника.

Полагаем, что квалификация правообладателя в качестве контролирующего лица требует установить факт выхода субординации за рамки предметного поля договора коммерческой концессии. Если предписания франчайзера касались исключительно визуального оформления, рецептуры или стандартов сервиса, имущественная ответственность за финансовый крах пользователя наступать не должна. Законодатель в статье 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации заложил идею нормативного контроля качества, которую нельзя отождествлять с изъятием управленческих полномочий у исполнительного органа франчайзи.

Интересный компаративистский материал предоставляет правовой порядок Индонезии, где франчайзинг регулируется специализированным Постановлением Правительства № 42 от 2007 года (PP No. 42/2007) и нормами Гражданского кодекса Индонезии (Kitab Undang-Undang Hukum Perdata). F. Kristianto, F. Gracia указывают, что индонезийское законодательство рассматривает франчайзинг как особую форму партнерства, требующую обязательной регистрации договора в Министерстве торговли [3]. Индонезийский регулятор прямо предписывает правообладателю оказывать непрерывное содействие и проводить обучение пользователя. Однако указанное содействие не должно перерастать в прямое распоряжение имуществом франчайзи, иначе соглашение теряет признаки концессии и подпадает под квалификацию юридического единства.

Изучение индонезийской правовой доктрины показывает глубокую проработку баланса интересов сторон. M. Pohan подчеркивает, что гражданское право Индонезии защищает слабого контрагента — пользователя, запрещая франчайзеру навязывать заведомо кабальные финансовые условия [4]. Индонезийские суды при квалификации несостоятельности франчайзи оценивают, насколько жесткими были предписания головной компании. Если банкротство вызвано нерыночными ставками роялти или принудительными закупками оборудования у связанных лиц, индонезийская правовая система допускает привлечение правообладателя к солидарному возмещению убытков перед третьими лицами.

Сравнивая индонезийский опыт с отечественным правоприменением, видится ключевое различие в способах нормативной фиксации границ контроля. В России правовое регулирование опирается на общие банкротные институты контролирующего должника лица и статьи 61.10–61.12 Закона о банкротстве. Индонезия же делает акцент на публично-правовых ограничениях еще на стадии регистрации франшизы. Отсутствие специального закона о франчайзинге в РФ вынуждает арбитражные суды самостоятельно конструировать тесты фактического контроля

при банкротстве сетевых участников.

Считаем, что внедрение публично-правовой фильтрации условий концессионных договоров по примеру Индонезии могло бы существенно снизить риски последующих банкротных споров в России. Если договор коммерческой концессии прошел государственную регистрацию в Роспатенте в соответствии со статьей 1028 Гражданского кодекса Российской Федерации без условий о прямолинейном изъятии финансовой автономии, презумпция добросовестности правообладателя должна сохранять силу. Кредиторам в процедуре несостоятельности следует опровергать упомянутую презумпцию путем предъявления прямых доказательств внедоговорного вмешательства.

Правовая основа Малайзии представляет собой детализированную модель регулирования концессионных сетей. Закон о франчайзинге Малайзии 1998 года (Franchise Act 1998, Act 590) устанавливает жесткий императивный режим функционирования рынка. H. S. Wong анализирует проблемы незарегистрированного франчайзинга в Малайзии, отмечая, что законодатель сурово карает правообладателей, пытающихся вести бизнес в обход официального реестра Registrar of Franchises [5]. Малайзийский подход характеризуется детальной проработкой стандартных условий контракта, включая законодательно установленный минимальный срок договора (не менее 5 лет) и ограничения на размер роялти.

Законодательство Малайзии прямо защищает пользователя от произвола владельца бренда. Если франчайзер в Малайзии пытается расторгнуть договор досрочно без законных оснований или вмешивается в оперативные решения, не предусмотренные зарегистрированным описанием франшизы, квалификация таких действий становится сугубо противоправной. В случае ликвидации или банкротства малазийского франчайзи, вызванного неправомерными действиями зарегистрированного правообладателя, малайзийские суды активно применяют механизмы возмещения вреда и компенсации долгов за счет головной структуры.

Сравнение нормативного массива Малайзии и положений главы 54 Гражданского кодекса РФ демонстрирует принципиальную разницу подходов к свободе договора. Российское гражданское право, опираясь на статью 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, предоставляет сторонам максимальную усмотрительную свободу при конструировании концессионных условий. Подобный подход создает пространство для включения кабальных условий, когда франчайзер полностью связывает руки пользователю. Впоследствии, при банкротстве последнего, предоставленная автономия обращается против правообладателя, становясь уликой его контролирующего статуса по смыслу статьи 61.10 Закона о банкротстве.

Подразумеваем, что чрезмерная гибкость российского диспозитивного регулирования концессий создаёт нормативную ловушку для добросовестных участников оборота. Желая максимально защитить репутацию бренда и качество товара (что соответствует статье 1031 Гражданского кодекса Российской Федерации), правообладатель насыщает договор многочисленными согласованиями и запретами. При наступлении банкротства пользователя конкурсный управляющий трактует подобные пункты как доказательство существования «теневого директора», требуя возложения субсидиарной ответственности за непогашенные долги перед банками и налоговыми органами.

Защита репутационного капитала сети выступает легитимным коммерческим интересом. L. Sixkiller, C. A. Mair на материалах современной судебной практики США и стран общего права наглядно показывают, что исполнение договорных условий и жесткое принуждение к соблюдению стандартов сами по себе не образуют оснований для ответственности франчайзера [6]. Американская судебная доктрина строго разделяет контроль над качеством продукта и контроль над оперативными деталями коммерческой деятельности. Лишь проникновение во второй сегмент влечет риски привлечения правообладателя к ответственности за действия франчайзи.

Разделение сфер контроля, предложенное зарубежной доктриной, обладает высокой ценностью для отечественной арбитражной практики. Когда правообладатель проверяет чистоту в зале, соблюдение форменной одежды или соответствие ингредиентов технологической карте, происходит реализация прав по договору коммерческой концессии. Названные действия направлены на охрану ценности нематериального актива. Если же франчайзер начинает диктовать, кому из кредиторов платить в первую очередь, заставляет брать займы у подконтрольных структур или запрещает выплачивать зарплату сотрудникам, имеет место переход границы.

Допускаем, что в российской практике доказательством подобного перехода служит анализ финансовых потоков и переписки сторон. Если судом будет установлено, что исполнительный орган франчайзи полностью утратил самостоятельность и согласовывал каждый платежный документ с менеджментом правообладателя, квалификация франчайзера как контролирующего должника лица по статьям 61.10 и 61.11 Закона о банкротстве становится неизбежной. В подобной ситуации бремя субсидиарной ответственности выступает адекватным мерилом за разрушение самостоятельности должника.

Заботясь об устойчивости сети, правообладатели нередко прибегают к предоставлению финансовой помощи тонущим пользователям. Выдача займов, отсрочка уплаты роялти или по-

ставка товара с рассрочкой платежа рассматриваются как разумные шаги по спасению бизнеса. Однако при банкротстве франчайзи указанные действия оборачиваются против франчайзера. Независимые кредиторы требуют субординации (понижения очередности) требований правообладателя, ссылаясь на правовые позиции Президиума Верховного Суда РФ, изложенные в Обзоре от 29.01.2020.

Субординация требований контролирующих лиц опирается на идею о том, что предоставление компенсационного финансирования в условиях имущественного кризиса затягивает банкротство и увеличивает убытки сторонних кредиторов. Если франчайзер вместо подачи заявления о банкротстве должника продолжал накачивать пользователя займами, скрывая фактическую неплатежеспособность, притязания правообладателя подлежат удовлетворению лишь после полного расчета с обычными кредиторами. Данное положение создает значительные имущественные потери для владельца бренда.

Рассчитываем, что отечественная судебная практика выработает более взвешенный подход к компенсационному финансированию в концессионных сетях. Займы, предоставляемые франчайзером в начальном периоде работы коммерческой точки или во время временных макроэкономических шоков, не должны автоматически признаваться недобросовестными. Названные транзакции отражают нормальное желание сохранить целостность сетевой инфраструктуры, а не намерение причинить вред кредиторам по смыслу статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Различия в правовых системах Индонезии, Малайзии и России наглядно демонстрируют эволюцию концессионного института. В Малайзии публичный контроль предваряет создание сети, снижая банкротные риски. В Индонезии гражданско-правовая концепция партнерства защищает автономию сторон. В России же основной центр тяжести смещен в фазу банкротного процесса, где арбитражные суды постфактум вынуждены решать вопрошающие задачи квалификации степени контроля.

Ожидаем, что развитие российского законодательства о коммерческой концессии пойдет по пути уточнения норм статьи 1027 и статьи 1031 Гражданского кодекса Российской Федерации. Внесение законодательных уточнений о том, какие именно формы контроля качества не могут расцениваться как основания для квалификации лица в качестве контролирующего должника по Закону о банкротстве, снизит уровень судебного усмотрения и повысит инвестиционную привлекательность отечественного рынка.

Особую опасность для правообладателя представляют так называемые кабальные соглашения, содержащие санкции за минимальные отклонения от стандартов. Если штрафы за нарушение стандарта обслуживания превышают доходность франчайзи, они становятся инструментом изъятия всей прибыли должника. Конкурсный управляющий получает идеальные основания для оспаривания подобных сделок по статье 61.2 Закона о банкротстве как совершенных с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Предполагаем, что при оценке кабальности условий концессионного договора судам следует применять критерий разумной коммерческой дискреции. Правообладатель вправе устанавливать суровые санкции за действия, прямо подрывающие репутацию бренда (например, за продажу фальсифицированной продукции или грубое нарушение санитарных норм). Однако несоразмерные штрафы за мелкие формальные проступки должны квалифицироваться как злоупотребление правом по статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Проблема асимметрии информации также требует нормативного осмысления. В Малайзии и Индонезии правообладатель обязан раскрывать пользователю исчерпывающие данные о финансовом состоянии сети и рисках бизнес-модели до заключения договора. В РФ статья 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации не содержит столь детальных предписаний. Продажа нежизнеспособных моделей под видом успешной франшизы приводит к быстрому краху пользователя, после чего обманутые кредиторы пытаются взыскать убытки с недобросовестного продавца бренда.

Учитываем, что в случаях продажи заведомо нежизнеспособных бизнес-моделей квалификация франчайзера как контролирующего лица является полностью оправданной. Если владелец бренда создавал сеть исключительно ради сбора паушальных взносов, понимая неизбежность банкротства пользователей, действия франчайзера содержат признак намеренного причинения вреда. Статья 61.11 Закона о банкротстве в подобных обстоятельствах выступает справедливым правовым инструментарием возложения ответственности за недобросовестный бизнес.

Цифровизация концессионного бизнеса приносит новые вызовы. Использование единых ERP-систем, облачных сервисов и централизованных кассовых аппаратов дает франчайзеру техническую возможность отслеживать каждый шаг пользователя в режиме реального времени. Наличие доступа к финансовым метрикам должника интерпретируется конкурсными управляющими как полное владение информацией об объективном банкротстве.

Думаем, что сама по себе доступность цифровой аналитики не делает франчайзера контролирующим лицом. Владение информацией о финансовых трудностях партнера отражает технологический уровень современной торговли. Важно не то, знал ли франчайзер об убыт-

ках пользователя, а то, использовал ли правообладатель полученные сведения для совершения действий, ухудшивших положение кредиторов (например, изъятия выручки в обход банковских счетов).

Сравнительно-правовой анализ показывает, что правопорядок каждой страны ищет свой баланс между защитой сети и интересами кредиторов. Российская модель, опирающаяся на жесткие нормы банкротного права и диспозитивное регулирование главы 54 Гражданского кодекса Российской Федерации, нуждается в доктринальной доработке. Баланс может быть достигнут только через четкое проведение грани между репутационным контролем и операционным директированием.

Подводя итог проведенному исследованию, подчеркнем, что владелец франшизы не должен подлежать привлечению к субсидиарной ответственности по долгам пользователя при банкротстве последнего, если совершаемые действия не выходили за пределы охраны исключительных прав и защиты репутации сети. Опыт Индонезии и Малайзии демонстрирует эффективность превентивных нормативных механизмов, способных предотвратить злоупотребления до наступления неплатежеспособности. Российскому правопорядку целесообразно воспринять лучший зарубежный опыт, адаптировав полученные выводы к отечественной системе гражданско-правовых институтов.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г., с изм. от 9 июня 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

[2] Elmore A. Franchise regulation for the fissured economy // George Washington Law Review. – 2018. – Vol. 86. – P. 907–965.

[3] Kristianto F., Gracia F. Franchising in the Form of Partnership // Indonesian Journal of International Law. – 2021. – Vol. 19. – P. 641–668.

[4] Pohan M. Conception of franchise agreement in protecting the legal interests of parties based on Indonesian civil law // International Journal Reglement & Society (IJRS). – 2020. – Vol. 1, no. 2. – P. 103–112.

[5] Wong H. S. Issues and challenges of unregistered franchise business: A Malaysian legal perspective // Studies of Applied Economics. – 2021. – Vol. 39, no. 4. – Art. 1120.

[6] Sixkiller L., Mair C. A. Managing Franchisor Risk Through the Enforcement of Contractual Terms and Provisions: An Analysis of Recent Case Law and Court Decisions // Franchise Law Journal. – 2024. – Vol. 43, no. 4. – P. 361–385.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated Jan. 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025, with revisions dated June 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.

[2] Elmore A. Franchise regulation for the fissured economy // George Washington Law Review. – 2018. – Vol. 86. – P. 907–965.

[3] Kristianto F., Gracia F. Franchising in the Form of Partnership // Indonesian Journal of International Law. – 2021. – Vol. 19. – P. 641–668.

[4] Pohan M. Conception of franchise agreement in protecting the legal interests of parties based on Indonesian civil law // International Journal Reglement & Society (IJRS). – 2020. – Vol. 1, no. 2. – P. 103–112.

[5] Wong H. S. Issues and challenges of unregistered franchise business: A Malaysian legal perspective // Studies of Applied Economics. – 2021. – Vol. 39, no. 4. – Art. 1120.

[6] Sixkiller L., Mair C. A. Managing Franchisor Risk Through the Enforcement of Contractual Terms and Provisions: An Analysis of Recent Case Law and Court Decisions // Franchise Law Journal. – 2024. – Vol. 43, no. 4. – P. 361–385.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-63-66

ВОРОНИНА Елизавета Владимировна,
студент магистратуры,
Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия» (Университет «Синергия»),
e-mail: lizalob2017@mail.ru

НЕЗАКОННЫЕ ПРОИЗВОДСТВО, СБЫТ ИЛИ ПЕРЕСЫЛКА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Статья посвящена преступлению, предусмотренному статьёй 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Цель работы состоит в том, чтобы соотнести уголовно-правовую конструкцию состава с теми изменениями, которые цифровизация внесла в наркорынок. На основе формально-юридического, сравнительно-правового и системного методов проанализированы понятие сбыта в доктрине и разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, момент окончания бесконтактного сбыта через тайники-закладки, содержание квалифицирующего признака использования информационно-телекоммуникационных сетей и групповые формы соучастия. Криминологическая часть охватывает структуру и тенденции наркопреступности, типичные черты личности осуждённых, латентность и вовлечение молодёжи. Сделан вывод о том, что уголовная репрессия всё сильнее смещается на низовое звено сбытовых сетей, тогда как организаторы остаются в тени. Предложено уточнить разъяснения о моменте окончания сбыта и соединить правовые меры с адресной профилактикой в цифровой среде*.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, незаконный сбыт, производство, пересылка, тайник-закладка, информационно-телекоммуникационные сети, квалификация преступлений, организованная группа, наркопреступность, личность преступника, латентность, профилактика.

VORONINA Elizaveta Vladimirovna,
Master's student,
Private Educational Institution of Higher Education "Moscow University 'Synergy'" ("Synergy" University)

ILLEGAL PRODUCTION, SALE OR SHIPMENT OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Annotation. The article examines the crime under Article 228.1 of the Russian Criminal Code. The aim is to correlate the legal structure of this offence with the changes digitalization has brought to the drug market. Using formal legal, comparative and systemic methods, the author analyses the concept of sale in doctrine and in the explanations of the Plenum of the Supreme Court, the moment of completion of contactless sale through hidden caches, the aggravating feature of using telecommunication networks, and group complicity. The criminological part covers the structure and trends of drug crime, typical traits of convicts, latency and the involvement of young people. It is concluded that repression is shifting to the lower level of distribution networks, while organizers remain in the shadows. It is proposed to clarify the explanations on the moment of completion of sale and to combine legal measures with targeted prevention in the digital environment.

Key words: narcotic drugs, psychotropic substances, analogues, illegal sale, production, shipment, hidden cache, information and telecommunication networks, qualification of crimes, organized group, drug crime, offender's personality, latency, prevention.

Введение

Незаконный оборот наркотиков давно перестал быть узкой темой уголовного права. Он затрагивает здоровье населения, демографию, экономическую безопасность и цифровую среду, которая стала основной площадкой торговли запрещёнными веществами. Центральное место среди составов главы 25 Уголовного кодекса Рос-

сийской Федерации занимает статья 228.1, установившая ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [1]. Эта норма направлена против распространения наркотиков, а не их потребления, и потому во многом определяет уголовно-правовую часть антинаркотической политики.

Санкции статьи относятся к наиболее строгим в Особенной части, вплоть до пожизненного лишения свободы при сбыте в особо крупном размере, так что ошибка квалификации оборачивается годами реального срока. Между тем способы совершения деяния изменились радикально. Передачу «из рук в руки» вытеснили интернет-магазины, анонимные мессенджеры, расчёты в криптовалюте и тайники-закладки, при которых продавец и покупатель вообще не встречаются.

Цель статьи состоит в том, чтобы оценить, насколько конструкция статьи 228.1 УК РФ и судебные разъяснения к ней соответствуют современной криминологической картине сбыта.

Объективная сторона и понятие сбыта

Основным объектом преступления признаётся здоровье населения. Предмет определяется через перечни, утверждаемые Правительством Российской Федерации, что придаёт норме бланкетный характер и позволяет оперативно реагировать на появление новых синтетических веществ, а включение в диспозицию аналогов отражает стремление не отставать от нелегальных лабораторий. Объективная сторона выражается в трёх альтернативных формах. Производство отличается от изготовления по статье 228 УК РФ серийностью и использованием оборудования, пересылка означает перемещение веществ адресату без их сопровождения виновным. Наиболее распространённой и спорной формой остаётся сбыт.

Легального определения сбыта закон не содержит, и эту роль выполняет постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14. Согласно его пункту 13, сбыт представляет собой незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т.д.), причём передача возможна и путём сообщения о месте хранения или проведения закладки [2]. В доктрине справедливо замечено, что суды нередко подменяют это толкование гражданско-правовыми аналогиями, рассуждая о посредничестве или хранении в интересах приобретателя. В работе [3] предлагается оценивать другое, а именно происходит ли фактическое отчуждение вещества.

Квалификация бесконтактного сбыта

Самый острый вопрос практики связан с моментом окончания сбыта через тайники. По разъяснению Пленума, сбыт окончен с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче независимо от фактического получения веществ приобретателем [2]. В работе [4] показано, что суды понимают «все необходимые действия» по-разному. Одни признают сбыт оконченным при помещении вещества в тайник, другие требуют доказать, что покупатель узнал его адрес. Согласно работе [4], наркотик не может перейти во владение приобретателя, если тот не знает о месте нахождения закладки. Если закладчик задержан до того, как оператор передал адреса покупателям, квалификация как покушения точнее отражает содеянное.

Спорным остаётся и признак пункта «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ, то есть сбыт с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей [1]. Достаточно ли для него переписки в мессенджере, если наркотик передан лично? В работе [5] обосновано, что признак применим, когда через сети производится оплата и сообщается место нахождения вещества. В работе [6] показано, что следует устанавливать, какие именно действия объективной стороны совершены с помощью этих технологий. Такой подход исключает механическое вменение признака лишь из-за изъятого телефона с перепиской.

Интернет-магазин обычно имеет иерархию из организатора, оператора, «склада», курьеров и закладчиков, многие из которых никогда не видели друг друга. В работе [7] показано, что использование информационно-телекоммуникационных технологий позволяет признать группу организованной и без личного знакомства участников. Соглашаясь с этим, заметим, что устойчивость группы должна доказываться, а не предполагаться по самому факту работы через магазин. Сходная проблема возникает при разграничении продолжаемого сбыта и совокупности. Если закладчик разложил одну партию по десяткам тайников с единым умыслом, наказание не должно определяться числом адресов в его телефоне.

Криминологический аспект

Криминологические исследования фиксируют устойчивые тенденции. В работе [8] указано, что в динамике российской наркопреступности отмечается такая тенденция, как увеличение количества тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере [8]. Сбыт назван там наиболее стабильным элементом структуры наркопреступности, а в прогнозе названы омоложение преступного контингента, распространение синтетики и высокая латентность [8]. Более поздние данные это подтверждают. В работе [9] за пятилетний период отмечен рост преступлений, связанных с синтетическими наркотиками и их сбытом через интернет, и увеличение числа вовлечённых несовершеннолетних, а эффективным признано лишь сочетание репрессивных и реабилитационных мер.

Типичный осуждённый за наркопреступления, по данным исследования [10], это гражданин

России мужского пола от 18 до 39 лет со средним общим или средним профессиональным образованием, для которого характерна деформация ценностных ориентаций. Портрет хорошо согласуется с моделью интернет-магазина, где низовые роли отдаются молодым людям, завербованным через те же мессенджеры обещаниями лёгкого заработка. Отсюда главное противоречие практики. Закладчик оставляет следы и задерживается чаще всех, а организатор защищён анонимностью и криптовалютой.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд предложений. Постановление Пленума № 14 целесообразно дополнить разъяснением о том, что сбыт через тайник окончен с момента сообщения приобретателю сведений о месте нахождения вещества. Признак пункта «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ следует вменять, лишь когда с помощью сетей выполнена хотя бы часть объективной стороны сбыта. Организованность группы должна устанавливаться по реальным признакам устойчивости. Вместе с тем эффективность противодействия зависит не столько от ужесточения санкций, сколько от способности правоохранительной системы добираться до организаторов и финансовых потоков, а также от профилактики, работающей в той же цифровой среде, где идёт вербовка молодёжи.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 01.10.2026).

[3] Шевченко Е. Н. Проблемы понимания сбыта наркотических средств в доктрине и судебной практике // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 4. С. 95–102.

[4] Федик Е. Н. Современная практика квалификации сбыта наркотических средств // Российское правосудие. 2024. № 1. С. 82–88.

[5] Винокуров В. Н., Агафонов А. В. Особенности квалификации сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) группой лиц по предварительному сговору // Наркоконтроль. 2023. № 1. С. 2–6.

[6] Набиев Д. Х. Проблемы квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Закон и право. 2026. № 3. С. 217–223.

[7] Куликов А. В., Железняк И. Ю. Проблемы квалификации сбыта наркотиков, совершенного группой лиц с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Наркоконтроль. 2023. № 4. С. 9–12.

[8] Готчина Л. В. Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 4. С. 767–775.

[9] Волкова О. В., Дроздова Е. А. Некоторые аспекты противодействия наркопреступности в России с позиций криминологии // Юридический мир. 2024. № 11. С. 35–38.

[10] Павлик Е. М., Кетенчиева Е. С. Криминологическая характеристика лиц, осуждённых за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3. С. 118–122.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[2] On Judicial Practice in Cases Involving Crimes Related to Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, Potent Substances, and Toxic Substances: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 of June 15, 2006 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (accessed: 01.10.2026).

[3] Shevchenko E. N. Issues Regarding the Interpretation of the «Distribution» (Sale) of Narcotic Drugs in Legal Doctrine and Judicial Practice // Russian Journal of Legal Studies. 2019. Vol. 6, No. 4. pp. 95–102.

[4] Fedik E. N. Contemporary Practice in the Legal Classification of the Distribution (Sale) of Narcotic Drugs // Russian Justice. 2024. No. 1. pp. 82–88.

[5] Vinokurov V. N., Agafonov A. V. Specifics of Classifying the Distribution (Sale) of Narcotic Drugs Carried Out by a Group of Persons by Prior Agreement Using Electronic or Information-Telecommunication Networks (Including the Internet) // Drug Control. 2023. No. 1. pp. 2–6.

[6] Nabiev D. Kh. Issues in the Legal Classification of the Distribution (Sale) of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, or Their Analogues Using Mass Media or Electronic/Information-Telecommunication Networks (Including the Internet) // Law and Legislation. 2026. No. 3. pp. 217–223.

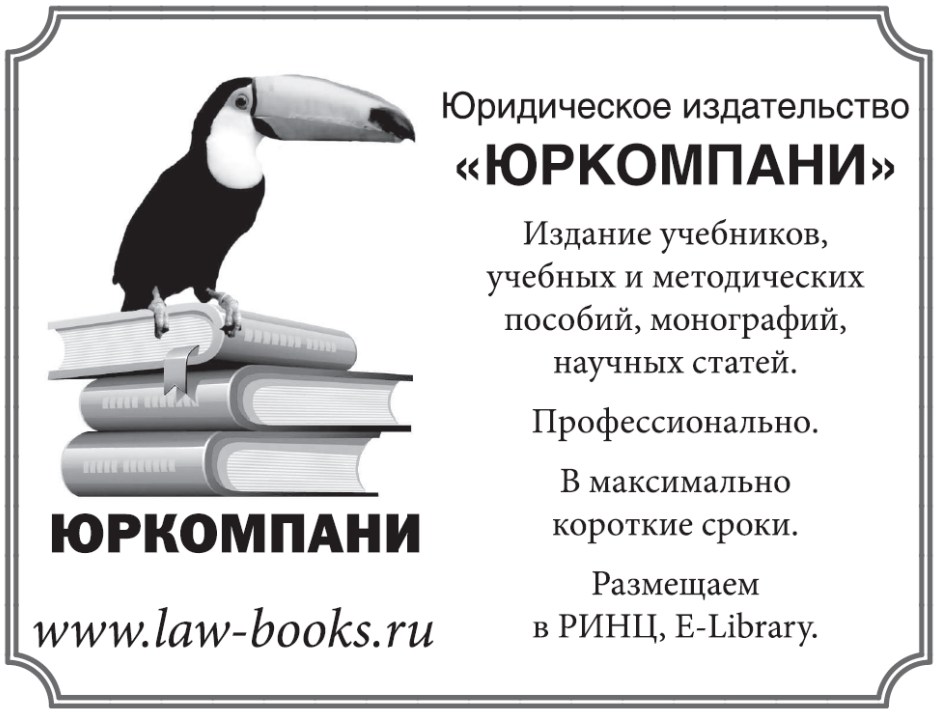
[7] Kulikov A. V., Zheleznyak I. Yu. Issues in the Legal Classification of Drug Trafficking Committed by a Group of Persons Using Information and Telecommunication Technologies // Drug Control (Narkokontrol). 2023. No. 4. pp. 9–12.

[8] Gotchina L. V. Criminological Profile of Drug-Related Crime in Russia: Structure, Dynamics, and

Forecast // All-Russian Criminological Journal. 2017. Vol. 11, No. 4. pp. 767–775.

[9] Volkova O. V., Drozdova E. A. Certain Aspects of Counteracting Drug-Related Crime in Russia from a Criminological Perspective // Legal World (Yuridicheskiy Mir). 2024. No. 11. pp. 35–38.

[10] Pavlik E. M., Ketenchieva E. S. Criminological Profile of Individuals Convicted of Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. pp. 118–122.



КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 3

(ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ)

2026 ГОД

Сдано в набор 24.10.2026. Подписано в печать 31.10.2026 г.
Формат 60x90/8. Тираж 100 экз.
Макет верстки разработан
в типографии издательства ООО «Юркомпани»
121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, офис В 218.